

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES
АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

Жуткая
история
Троспера Реддинга

Александра Бракен

**Жуткая история
Проспера Реддинга**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бракен А.

Жуткая история Проспера Реддинга / А. Бракен — «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-113547-8

Проспер Реддинг – обычный двенадцатилетний мальчишка. У него есть сестра-близнец, родители, основавшие благотворительный фонд, и целая куча богатых родственников, а сам он талантливый художник. Но счастливым он себя не чувствует, ведь в школе его считают изгоем, несмотря на богатство и славу семьи, и даже сестра посмеивается над ним. Однако Проспер и подумать не мог, что ему придется иметь дело с демоном, который триста лет провел в заточении, а теперь в любой момент может вырваться на свободу и отомстить всем Реддингам за грехи их предка.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113547-8

© Бракен А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Слово демона	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александра Бракен

Жуткая история Проспера Реддинга

© Alexandra Bracken, 2017

© Я. Шешукова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается клану Гарретт-Гейстер-Бракен

Слово демона

Зажги свечу и подойди ближе к зеркалу. У нас нет времени, нужно торопиться.

При других обстоятельствах я и не подумал бы смотреть в твою сторону. Но даже я не могу нарушить договор. И если глупость все равно толкает тебя за мной, запомни три вещи, три урока. Их нужно выучить, им придется следовать. Возможно, когда-нибудь от этого будет зависеть твоя жизнь, человек. Тебе решать, как к ним отнестись. У меня нет времени возиться с глупцами.

Первое: никогда не доверяй Реддингам. Эта семейка наврет тебе с три короба, они будут заливать тебя соловьем и молить о пощаде, пока их лживые языки не отсохнут. Не поддавайся. Заткни уши, закрой глаза, заслонись от их трусливого смрада. Эти люди нарушили договор, написанный кровью. Договор, который они сами заключили, когда испугались за свое богатство. Законы, по которым они живут – это законы глупости. Они тебе не семья.

Слушай и запоминай. Сумерки сгущаются, грядет время. Реддинги скажут тебе, что с ними поступили несправедливо, их не поняли. Они будут называть меня мошенником, подонком и лжецом. Но не забывай: они боялись меня, боялись, даже пока я спал. И тебе тоже стоит бояться.

Второе: ты должен понимать, что я живу по законам мести.

И третье: я могу отнять все, что бы ни дал. И я обязательно это сделаю – с удовольствием. А Реддингам я дал всё.

Глава 1

День основателей

Дело вот в чем.

В масштабах жизни или планеты городок Редхуд – всего лишь крошечная песчинка. Или тысячная часть крошечной песчинки. Не пытайтесь найти его на картах, на большинстве из них его нет. Здесь не сожгли ни одной ведьмы, не началось ни одной революции, а пилигримы высадились у скал в двухстах милях отсюда. Считается, что семья, которая основала город, и есть его главная достопримечательность.

Интереснее всего то, что в нас, Реддингах, нет ничего интересного. Конечно, мой прапрапрапрадед *почти* подписал Декларацию независимости, но только почти. У него разболелось горло, и пару дней спустя он умер. Разболелось. Горло. Простите, конечно, но это, наверное, самая дурацкая смерть в истории. И мне кажется, этим «почти» не стоит восхищаться. Вот я бы пришел и сказал родителям, что блестяще написал тест по математике: тройка – это почти пятерка, а разницу всего-то в два балла можно не считать.

В общем, я хочу сказать, что моя семья была в Редхуде всегда, и никуда деваться не собирается. Наш дом увешан портретами хмурых предков в черных одеяниях и шляпах, и каждый день здесь похож на унылую пьесу про День благодарения. Еще на стенах красуются несколько десятков напыщенных генералов, влиятельных конгрессменов и еще какие-то важные люди. Бабушка любит повторять, что если бы кто-нибудь из нас (в смысле она) решил баллотироваться в президенты, страна бы просто влюбилась (в нее), на одном дыхании отменила «эту нудную демократию» и провозгласила президента Реддинг (бабушку) законным монархом (королевой).

У каждого поколения нашей семьи разные лица, чего не скажешь о лице города. Оно оставалось одним и тем же, ведь на решение любого, даже самого мелкого, вопроса требуются годы, и необходимы постоянные городские собрания с бесконечными голосованиями. Например, когда моя бабушка, мэр города, наконец-то позволила провести здесь нормальный интернет, об этом сразу написали во всех газетах. Не думаю, что до того дня бабушка хоть раз подходила к компьютеру.

Редхуд похож на страницу из старого учебника истории, которая однажды улетела под стол, да так там и осталась. Люди приезжали и уезжали целыми семьями, но потом все равно возвращались. Самое ужасное – здесь всем есть дело до всех, особенно до моей семьи. Такое чувство, что в городе с каждым годом становится все теснее. Поэтому вдвойне странно, что никто не заметил, когда в Редхуде появился незнакомец.

В День Основателей все как обычно, собрались на Главной улице под гирляндами теплых мерцающих фонариков, натянутыми между двумя красными кирпичными домами: Академией имени Пилигрима Реддинга и зданием суда. Все места на ступеньках были заняты соломенными подушками и складными стульями: жители города готовились смотреть Парад свечей. Туристы, забредавшие к нам на знаменитый фестиваль, всегда были слишком зачарованы происходящим и даже не догадывались, что места нужно занимать задолго до заката.

При каждой возможности я стараюсь уехать из Редхуда, но только не в День Основателей, когда город пробуждается от липкого летнего сна и выпускает на волю свою удивительную магию. Все меняется и выглядит иначе: место, обычно унылое, как книжный корешок, превращается в прекрасный лабиринт из стогов сена, венков и гирлянд. Воздух становится прозрачным и сладким, и дышать им – все равно, что кусать только что сорванное яблоко.

Деревья на Главной улице тянутся друг к другу. В темноте октябрьской ночи они похожи на разноцветный фейерверк, а когда светит солнце, их верхушки превращаются в ослепитель-

ный золотой купол. Опавшими листьями набивают пугала, которые люди после праздника уносят с собой.

Но лучше всего, конечно, утренний туман, ползущий по улицам. В его легком сиянии все преобразается, и город перестает замечать то, что привык считать уродством и мерзостью. Неожиданный порыв холодного ветра пробрался под мой школьный пиджак и пролистал страницы блокнота, который я быстро прихлопнул ладонью, чтобы наброски не унесло вместе с шуршащими листьями.

Наверное, стоило заточить карандаш до того, как я вышел из школы. Дети бросали кольца на хвостики тыкв; тыквы были в два раза больше детей. Я пытался нарисовать их лица, но получались лишь мордочки игрушечных троллей. Их родители толпились неподалеку, около полосатой оранжево-белой палатки от кафе «Завтрак пилигрима». В ней продавали пироги и яблочные пончики.

Незнакомец держался отдельно, потягивая глинтвейн. Он вообще стоял на другой стороне улицы, у тележки со сладкими ароматными орехами. Кажется, поэтому я его тогда и заметил. Он был худой как щепка, а если бы я решил нарисовать его лицо, то начал бы с невозможно длинного носа. Когда ему протянули клочок бумаги для праздничного костра, незнакомец усмехнулся.

Он был одет как пилигрим, но в этом не было ничего странного. В Редхуде многие наряжались к Дню Основателей, особенно старики. Мне кажется, им просто нравятся эти шляпы с большими черными пряжками и огромные белые рубашки.

Я посмотрел на его соломенную шляпу с широкими полями, на грязные ботинки с оторванными пряжками. Хорошо, что его не видела бабушка. Вместо бумажки она бы предпочла бросить в костер этого человека. От него она захотела бы избавиться куда сильнее, чем от списка своих неприятностей. Костер – главное событие фестиваля: мы записываем на листочках свои тяжелые чувства и мысли или темные секреты – все, от чего хотели бы освободиться, и бросаем их в огонь. Во всяком случае, так говорит бабушка. Но мне кажется, большинство людей приходит сюда, чтобы поджарить на костре сморы.

Незнакомец дождался, пока торговец отвернулся к покупателю, и украл горсть орехов. Наверное, почувствовав на себе взгляд, он посмотрел на меня, криво усмехнулся и подмигнул.

«Ну и ладно, – подумал я и вернулся к своим рисункам, но, оказалось, ненадолго. – Черт!» – я подпрыгнул от неожиданности. Кленовый сироп с «Тихого пирожного» капнул на блокнот, а оттуда на штаны. На самом видном месте получилось ужасное пятно. Отлично.

Я вздохнул, затолкал остатки десерта в рот и вырвал испорченную страницу. Час работы превратился в салфетку, которой я смахнул липкие крошки жареного тыквенного листа.

Да, все верно. Одни города славятся яблоками в карамели, другие – шоколадными тортами, а у нас вот жареные тыквенные листья. История такая: давным-давно, очень давно, когда Редхуд еще даже не назывался Редхудом, кучка поселенцев со своими ужасными шляпами и недовольными лицами страдала от череды неурожайных лет. В один особенно плохой год жена основателя города, Онора¹ Реддинга, смогла собрать только листья с печального погибающего тыквенного поля. Ее звали Сайленс², и это имя исчерпывающе объясняло все, что от нее требовалось в жизни. В общем, говорят, она придумала несколько рецептов и своими тыквенными листьями спасла наш новорожденный город от голода. Так поселенцы смогли пережить зиму. По доброй воле, конечно, есть тыквенные листья никто не будет, если только он не умирает с голоду. Поэтому мы их жарим, поливаем медом, кленовым сиропом или шоколадом и нанизываем на палочку. Этот десерт называли «Тихим пирожным» в ее честь, а муж, которого, собственно, и звали Честь, присвоил себе почти все остальные ее достижения.

¹ *Онор* (honor) – честь (англ.). Здесь и далее прим. переводчика.

² *Сайленс* (silence) – тишина (англ.).

Услышав бой башенных часов, я посмотрел вверх, лихорадочно проверяя время: что, уже пять?!

Я залез на скамейку и стал всматриваться в толпу, пытаюсь разглядеть лица и шляпы тех, кто начинал зажигать тысячи свечей, чтобы пустить их на воду, а может быть, отдать школьному хору, который будет петь на параде. Прю утащили ее школьные подружки. Все они были в форме: темно-синих пиджаках и клетчатых юбках. Когда я понял, что слишком увлекся своими дурацкими рисунками и совершенно выпустил ее из виду, сердце некоторое время пыталось выскочить у меня из груди.

Но я увидел их около лабиринта из стогов. Спрыгнув, я кинулся к ней через очередь туристов, которые ждали, когда им дадут раскрасить тыкву.

Камерный оркестр в белой беседке исполнял музыку какого-то мертвого композитора, над ними висел плакат, поздравлявший всех с тем, что городу исполнилось триста двадцать пять лет. Как только музыка закончилась, и все зааплодировали, зажглись черные металлические уличные фонари. Я споткнулся об одну из светящихся тыкв, которыми был украшен тротуар.

Вот черт. Придется бежать.

Я проталкивался через толпу у беседки, прокладывая себе путь через море локтей и детских колясок.

– Смотри, куда...

– Эй!

Я ни на кого не обращал внимания. Пока чья-то огромная рука не схватила меня за шею, дернув назад так, что я уронил сумку. Одной секунды было достаточно, чтобы понять, чья это рука. От мистера Викворта пахло лимоном и маркерами для доски. В желудке у меня зашевелился змеиный клубок.

– Мистер Реддинг. Извольте объяснить причину вашего непристойного поведения.

Вы когда-нибудь слышали, чтобы человек кудахтал? Я вот раньше не слышал. Пока мистер Генри Викворт не заметил, что я заснул на уроке английского в первый же день в новой школе. Его лицо тогда приобрело фиолетовый оттенок, какого в природе не бывает, а я вместе со всем остальным классом прослушал лекцию об уважительном отношении и грубости. О различии этих понятий мне в тот же день после уроков пришлось писать эссе.

Да, меня наказали в первый же день в новой школе. Но этим не кончилось: Викворт оставлял меня после уроков каждый день в течение всей первой недели. Таким образом я успел написать о неуважении, неосмотрительности и чести. Я был уверен, что он сломает линейку о мою голову, когда нужно было написать, что значит «умник», а меня хватило только на одно предложение: «Мне кажется, это всезнайка, сэр».

Мистер Викворт постоянно смотрел на школьном компьютере всякие реалити-шоу про выживание, и уделял гораздо больше времени им, а не урокам. Стены его кабинета были увешаны цитатами из классиков, но, по-моему, он сам их выдумывал. Например, «*Школа очень важна. Будь внимателен в классе.* Эрнест Хемингуэй». Знаете, если бы мне пришлось выбирать: целый час тарачиться в телевизор на таблицу настройки или пойти на его урок, я бы выбрал таблицу – она в тысячу раз интереснее.

– Ну? – он сжал мои плечи. – Что ты можешь сказать в свое оправдание, Проспер?

Иногда мне очень хочется научиться сначала думать, а потом говорить.

– Почему я вообще должен разговаривать с вами, если мы не в школе?

Знаете, если сунуть яйцо в микроволновку, желток вскипает, а потом – раз! И он уже взорвался, заляпав всю кухню. Так вот, видимо, придется просить маму отдать мою форму в химчистку, чтобы отчистить ошметки мозга мистера Викворта. Но тут внезапно появилась Прю.

– Вот ты где, Проспер! – радостно воскликнула она. Подружки выстроились у нее за спиной и пялились на меня. – Ой, здравствуйте, мистер Викворт! Как вам фестиваль? Бабушка просила передать привет и поблагодарить за ваш тяжелый труд.

Викворт ослабил хватку. Я вывернулся и успел заметить, как меняется выражение его лица. Он приоткрыл рот, и лицо, которое только что было такого же цвета, как огненно-рыжие волосы Прю, сделалось нежно-розовым. Он был в восторге.

– О, мисс Реддинг! Простите, что не заметил вас раньше.

Он и все остальные расступились, чтобы Прю смогла пройти. Она подошла ко мне и ласково потрепала по голове. Эта дурацкая привычка появилась, когда сестра внезапно переросла меня сантиметров на десять за лето. Близнецы из нас, конечно, так себе. У меня темные волосы и темные глаза, а у нее волосы рыжие, а глаза голубые. И мы вообще не похожи на родственников.

Но я помню, как было раньше. Каждую больничную палату. Помню, как мне приходилось ходить в школу без нее, а потом возвращаться и показывать ей свои рисунки, потому что нам запрещалось фотографировать на телефон. Помню, как у меня все холодело внутри, если она выглядела бледнее или дышала тяжелее.

А когда мы были совсем маленькими, я вылезал из постели посреди ночи, чтобы проверить, как она там. Убедиться, что ее сердце все еще бьется.

Глава 2

Невезение

Бабушка считала, что проблемы с сердцем у Прю – единственное невезение, постигшее нашу семью за несколько веков. Это правда. Но даже в худшие дни я мог рассмешить сестру дурацкой историей, посмотреть вместе с ней кино, помочь ей передвигаться по дому, приготовить обед, если родители были в отъезде. Я знал наизусть все номера ее докторов. И помню их до сих пор.

Но Прю была из Реддингов. Она выжила вопреки мнению докторов. Наши родители основали фонд «От сердца к сердцу», международную благотворительную организацию для сбора средств на лечение сердечной недостаточности у детей из семей с небольшим достатком. Прю стала ее лицом. Затаив дыхание, вся страна следила за каждой ее операцией. Два года назад сделали последнюю, и с тех пор Прю очень окрепла, она смогла делать вещи, о которых раньше и не мечтала, и наконец-то поняла, что значит жить нормальной жизнью.

Прю пошла в мою школу. У нее появились друзья, которые не имели отношения к нашей семье, ребята, о которых я ей никогда не рассказывал: они набивали землей мой рюкзак и отбирали у меня тетради.

Выяснилось, что легендарная реддинговская удача просто копилась, ждала и наконец вырвалась наружу. Прю стала старостой нашего класса, последовательно побила рекорды по бегу, конной езде и стрельбе из лука, и выиграла конкурс штата на лучшее эссе о том, как важно организовать доступ к чистой воде в малообеспеченных районах Индии. Как-то раз, когда она получила пятерку с минусом, учитель рассыпался в извинениях за то, что не смог как следует объяснить ей материал.

Спросите хоть кого, Прю невероятная. Просто... Теперь, когда она, наконец, начала жить так, как и должна была, всплыла нелицеприятная правда обо мне. Я не мог скрыть от нее, что обо мне думают другие. Она и сама это прекрасно знала. Мы родились в семье победителей, задающих стандарты, но и дня не проходило, чтобы бабушка не напомнила, что я-то не один из них.

Что ж, я, Проспер³ Океанус Реддинг, с гордостью заявляю, что именно мне принадлежит рекорд по количеству засыпаний на уроке за год. Я победил в конкурсе «Кого больше всех презирают родители и учителя». Приз – целых двадцать четыре путешествия к директору за год. Единственная причина, по которой меня все еще не вышвырнули из гимназии, заключается в том, что мой прапра-и-так-далее-дед буквально построил ее собственными руками.

Вы, наверное, думаете, что жить с именем «Процветание» – полный отстой. Вот что я скажу. Тебя зовут «Процветание», в школе ты получаешь одни тройки, вся семья намекает, что колледж тебе не светит, и лучшее, на что ты можешь рассчитывать – это карьера мусорщика. Кстати, не знаю, что не так с мусорщиками: приятные люди, целыми днями разъезжают на грузовиках и делают мир чище. Мне кажется, убирать мусор – хорошая и важная работа.

Но ровно с того момента, как я впервые заснул в классе, мистер Викворт считает, что я и есть тот самый мусор. А Прю только подтвердила это предположение, когда вдруг появилась и начала вести себя так, будто ей надо срочно убрать за мной бардак, который я устроил.

– Ну, вы же знаете Проспера, – елейно сказала она. – Он такой... Проспер. Ему точно очки нужны.

Девчонки, стоявшие за ней, давились от смеха.

– Очки не добавят ему мозгов, – сказала одна.

³ *От prosperity – процветание (англ.).*

– И красоты, – поддержала ее другая.

Невидимая рука сжала мне горло, когда Прю закашлялась, пытаясь скрыть, что тоже смеялась. Рядом с нами стояло несколько взрослых. Они захихикали и вытянули шеи, чтобы лучше видеть. Вот, что значит быть Реддингом в Редхуде – мы здесь что-то вроде дрессированных обезьянок. Странно, что никто не захотел сделать с нами селфи.

– Простите, нам пора бежать, – продолжила Прю. – Мы опаздываем домой на семейный ужин. Увидимся на Параде, мистер Викворт!

Он ничего не мог с собой поделать и даже слегка ей поклонился.

– Увидимся, мисс Реддинг.

– Я тоже там буду. И даже увижу вас, у меня ведь будут очки, – процедил я сквозь зубы.

– Да, да, не забудьте очки, юноша, – ответил мистер Викворт. – Так вам будет проще следить за своим поведением.

Я хотел ответить, но Прю уже тащила меня в сторону от Главной улицы. За нами разгорался праздничный костер, и искры поднимались в темнеющее вечернее небо. Люди аплодировали и радовались, и вставали в очередь, чтобы бросить в огонь все, о чем сожалели. Я обернулся только раз, чтобы посмотреть на статую Онора Реддинга. Хотел запомнить ее и нарисовать позже, зловеще сияющую в отблесках пламени.

Площадь скрылась за поворотом и Прю наконец-то отпустила мою руку.

– Почему тебе обязательно нужно везе совать свой нос? – спросил я. – Они и так считают, что если бы не ты, такой идиот, как я, долго бы не протянул.

– Кто тебя выручит, если не я? И потом, мы уже опаздываем. Сам-знаешь-кто нас точно прибьет.

Папа как-то рассказал нам, что для того, чтобы вызвать демона, нужно назвать его истинное имя вслух. Поэтому мы с Прю старались не произносить бабушкино имя без крайней необходимости.

Прю сбавила шаг, и я догнал ее, пока она рылась в сумке. Она достала голубой блокнот.

– Вот, я случайно взяла твой.

Кровь прилила к лицу, плечи опустились. Я вырвал блокнот у нее из рук и запихал в сумку, надеясь похоронить навечно.

Ну конечно, она его нашла. Почему я такой тупой? Наверное, она уже посмотрела все мои рисунки вместе со своими друзьями и хохотала над каждым из них. Лучше бы она его сразу выбросила, как только поняла, что это не ее блокнот. Я с трудом мог дышать.

– Некоторые мне понравились, – сказала Прю, делая вид, что ничего не случилось. – В смысле, ты, конечно, не Да Винчи, но они очень даже ничего. Я и не думала, что у тебя все еще есть блокнот для рисования.

Я начал рисовать и рассказывать истории, чтобы веселить ее, когда мы без конца торчали в больницах. Почему я все еще рисую? Даже и не знаю. Наверное, я надеюсь, что когда-нибудь она снова попросит меня рассказать ей что-нибудь. Она посмотрела на меня, сжимая губы, чтобы не рассмеяться, и я понял, что этот день наступит примерно... никогда.

Я подхватил свою сумку. Хотел сказать: «Да что ты обо мне знаешь? Мы даже разговариваем в первый раз за неделю!»

– Может, покажешь их кому-нибудь? Например, миссис Питерс?

Вот несколько вещей, на которые я бы согласился, лишь бы не показывать свои наброски нашей заплесневелой учительнице рисования:

1. Отрезать себе ноги.

2. Съесть свою печень.

3. Обойти все Соединенные Штаты, переплыть кишашее акулами море, попасть на Гавайи и броситься в жерло вулкана.

Ребята в школе и так не очень-то меня любят, и это они еще не знают, что я их иногда рисую. Их и виды Редхуда.

– А как же мама или папа? Папе вроде бы нравились музеи.

Как бы ни были безумно талантливы и умны все представители нашей семьи, ни один Реддинг не посвятил себя искусству. Единственное исключение, пожалуй, мой какой-то троюродный родственник Натаниэль Реддинг. Он написал книгу «Потерянный корабль викингов» и попал в список бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Очень известный роман про викингов, путешествующих во времени, и про заговор, скрывающий, что именно викинги в кровавадной ярости убили пилигримов с корабля «Мэйфлауэр».

Мне показалось, что роман классный, но бабушка впала в ярость, когда прочла первые главы. Папа купил книжку для мамы, чтобы посмеяться. Он читал вслух отрывки, и они вместе смеялись. И смеялись, и смеялись.

Даже не хочу представлять лица родителей, когда я протяну им блокнот. Нет смысла говорить, что я люблю рисовать. Я и так знаю, какой будет их реакция. «Когда вы с Прю вырастаете и сможете помогать нам в Фонде, – скажет папа, – мы сможем изменить мир». А мама улыбнется и скажет, что нет ничего важнее, чем помогать людям. И я останусь со своей любовью к искусству, зная, что для мира это ничего не значит, ага. Только для меня.

Поэтому я доставал свои рисунки, только когда был уверен, что никто не видит. Я поматал головой, не глядя на сестру.

– Нужно торопиться! Мы и так уже опоздали.

– Тогда пойдем здесь. – Прю свернула с дороги, усыпанной листьями, и по спине у меня прошел холодок.

Между домом и Главной улицей был небольшой, но очень мрачный лес. Я неплохо его знал, особенно учитывая, как старательно я пытался избегать его все свои двенадцать с половиной лет жизни. Может, до дома так было короче, но мне этот путь все равно не нравился, особенно когда приходилось съезжать с вечно сырого холма.

От этого леса мороз по коже подирает. Свет там странный, даже опавшие листья похожи на мерзкую серую массу. Чуть меньше четырехсот лет назад в этих местах был ужасный пожар, и лес так и не смог полностью оправиться. На уцелевших деревьях появилась пятнистая кора, скрывающая шрамы, а вокруг повсюду торчат изуродованные стволы. Они расходятся от центра леса, как будто пытаются вытащить из земли корни и убежать.

Иногда, когда дождь льет на их искалеченные голые ноги, мне кажется, что я слышу эхо их криков. Я пытался успокоить себя тем, что это глупо, но все равно слышал этот звук по несколько дней. В лесу всегда, даже летом, сыро, адски холодно и туманно. Туда даже белки не совались, а это уже о чем-то говорит.

– Проспер, – внезапно спросила Прю, – почему Викворт постоянно тебя наказывает? Я думала, тебе стало лучше. Прос...

– Я не хочу сейчас об этом говорить, ладно? – я ускорил шаг и обогнал ее. Я просто клокотал от гнева и отчаяния. «Учителя зануды! Ненавижу школу!»

На самом деле, это было не совсем так. Школа мне в целом нравилась, за исключением домашних заданий и тестов. Пару раз в неделю мне снились *те самые* сны. Гигантская черная кошка кралась за мной, ее глаза сверкали как два изумруда. Иногда она просто смотрела на меня из-за мерцающей линии огня и прохаживалась взад-вперед, туда-сюда. Иногда она обгладывала кости, а потом облизывала окровавленные зубы. Но перед тем как проснуться, я слышал в ее грозном ворчании одни и те же слова, повторявшиеся снова и снова: «Пробуди поющую кость».

Я читал, что все сны, даже кошмары, нужны нашему мозгу, чтобы справиться с проблемами или вспомнить что-то важное. Что ж, видимо, таким образом мозг пытался сообщить мне, что бабушка непременно когда-нибудь меня съест, предварительно содрав шкуру.

Но это мелочи. По сравнению с тем, через что прошла Прю, это даже меньше, чем мелочи. Мне не хотелось, чтобы родители волновались обо мне сильнее, чем сейчас. Прю собиралась что-то сказать, но передумала. И мягко похлопала меня по плечу.

– Как скажешь. Я всегда готова помочь.

Но в этом-то и была проблема, она не должна была меня спасать. Я просто хотел, чтобы она снова мной восхищалась.

– Мы пришли, – сказал я, опустив подбородок на грудь, и подождал, пока она меня обгонит. Как обычно. Прю подалась вперед, но вдруг остановилась как вкопанная.

– Что за... – вырвалось у меня. У подножия холма начиналась дорога к дому, и там стояли десятки знакомых и незнакомых людей.

И ждали нас.

Глава 3

Зловещий прием

Не то чтобы мы с Прю ненавидели бабушку, просто думали, что она вполне может оказаться дьяволом в дорогом костюме.

После того, как мамыны родители, бабуля и дедуля, погибли в ужасной автокатастрофе, а дедушка Реддинг умер от сердечного приступа, осталась только она. И раз уж мы живем в паре кварталов друг от друга, то мы такая дружная семья, что аж скулы сводит.

Ага, конечно.

Бабушка не могла скрыть свою злобную сущность под дизайнерской одеждой и драгоценностями, да она и не пыталась. Она бы содрала шкуру с щеночка, если бы решила, что из него выйдет неплохая шляпка. Бабушка раздавала нищим поддельные деньги и десять лет подряд сама назначала себя мэром Редхуда. Однажды она заставила садовника привести в порядок розарий после того, как он упал с лестницы и сломал обе руки. Ну и что? Ведь в тот день у нее был назначен вечерний прием. И, как будто этого было мало, именно она настояла, чтобы меня назвали так, как назвали.

Судя по документам, за триста двадцать пять лет в семье Реддингов близнецы рождались только дважды: Процветание Океанус Реддинг и Предусмотрительность Фиделия Реддинг в семнадцатом веке и Процветание Океанус Реддинг и Предусмотрительность Фиделия Реддинг в двадцать первом. Проспер и Пруденс.

Уж не знаю, как она уговорила маму и папу. Возможно, мама была без сознания или что-то вроде того, а может, бабушка дала взятку всему роддому, чтобы ей позволили записать имя в свидетельство о рождении. Впрочем, я понимаю: в семье бывали пуританские имена и похуже. Нас ведь могли назвать иначе. Будь Благодарен, Помощь Свыше, Стыдливость, Покорность. И это далеко не весь список. Но есть особое унижение в том, что у всех твоих двоюродных и прочих братьев и сестер нормальные имена: Дэвид или Джош, например.

И Дэвид, и Джош стояли на дороге и ждали нас.

– Что за... – Прю покосилась на них. Меня как будто ударили головой в грудь.

– Господи, что-то случилось с мамой и папой, – сказал я, уронив сумку.

Других объяснений не было. Странные дальние родственники всегда приезжали на День Основателей – но не все сразу! В последний раз я видел такую толпу, когда безвременно скончалась моя двоюродная тетка, и половина родственников приехала узнать, не завещали ли им чего.

– Нет, – сказала Прю, – они бы нам еще в школе сказали.

Половину этих людей я вообще не знал. Наверное, бабушка опять устроила какую-то свою вечеринку и, как обычно, забыла нас предупредить.

Ладно, это похоже на правду, но почему тогда все выглядят так, будто ждут только нас?

Ветер прошуршал в кронах деревьев, унося шепот листьев к земле. Казалось, он нарочно толкал меня в спину, подгоняя по крутой тропинке в сторону дороги, вымощенной брусчаткой. Вдоль обочины рос дикий плющ – ровно до границы между грязью и камнями, словно он испугался и не стал расти дальше, к дому. Птицы прекращали щебетать, залетая за кованую ограду, которая окружала поместье и была похожа на колючую змею.

– Это... – я не поверил своим глазам.

И да, это была наша бабушка. Она стояла напротив кучки родственников и держала в руках серебряный поднос, на котором лежало печенье с шоколадной крошкой.

Я ее не сразу узнал. Бабушка позволяла называть себя только бабушкой или Grand-Mère. Ее нисколько не смущало, что в семье не было французских корней, и переезжать во Фран-

цию никто не собирался. У нее были резкие черты лица и седые волосы цвета грозового неба, которые она собирала в низкий аккуратный пучок. Бабушка была высокой, а ее осанка просто поражала. Она была бесчеловечно прямой, просто несгибаемой. Иногда она надевала серый костюм, и тогда мне казалось, что я разговариваю с заснеженным фонарем.

– О-о-о, детки! – пропела она. – Поторапливайтесь! Мы все вас уже заждались.

Ага, как же. Я хотел развернуться и убежать обратно по этому дурацкому холму через жуткий лес и немедленно исчезнуть из города. Я мог придумать только одну причину, чтобы она начала раздавать сладости и говорить елейным голосочком: она собиралась меня отравить.

Прю поймала меня за локоть:

– Нам очень стыдно, что мы опоздали. Оркестр миссис Марш так дивно играл в беседке, что мы потеряли счет времени!

У бабушки слегка дернулся уголок правого глаза, но она быстро взяла себя в руки.

– Ничего страшного, мои дорогие.

Она протянула поднос с печеньем одной из моих теток, а другой жестом велела забрать наши сумки.

Капля пота покатила по моей шее, хотя было холодно. На нас смотрели человек пятьдесят, не меньше. Даже двоюродный дед Бартоломью, который долгие годы боролся с бабушкой за дом. У деда не было левого глаза. Бабушка утверждает, что как-то раз он очень неудачно упал на кочергу. Мне кажется, она просто целилась в сердце, но промахнулась.

Бабушка потребовала, чтобы Прю ее обняла. Вышло очень неловко. Ее руки обвили плечи моей сестры, как жесткие прутья, а потом она похлопала ее по спине, как будто Прю чем-то подавилась.

Я сделал шаг назад, но родственники подтолкнули меня обратно.

– Просп, как я рад тебя видеть, – сказал Дэвид, который однажды запер меня в подвале на десять часов. Ему было интересно, съедят ли меня мыши.

– Давно не виделись! Как дела? – спросил Джош, который всей гимназии рассказал, что я все еще мочусь в постель. Что, кстати, неправда.

А вот и Сара. Однажды она украла бабушкин бриллиантовый браслет и свалила на меня.

– Как тебе школа? Слышала, у тебя в этом году мистер Викворт...

И Шарлотта, самая старшая из нас. Выбросила меня из окна второго этажа, чтобы посмотреть, смогу ли я взлететь. Шарлотта улыбнулась и обняла меня. Девчонки выглядели, как мои тетки: высокие, белобрысые, неестественно загорелые, особенно учитывая массачусетскую зиму.

Остальные члены семьи сбежали к нам, как муравьи к конфетке, оставленной на дороге. Мы тонули в море светлых костюмов, шелковых платьев и пушистых шуб. Родственники выстроились в очередь, чтобы сказать мне комплимент. Даже те, которых я никогда не видел. Они не выпускали меня, пока мы не дошли до изогнутой мраморной лестницы у главного входа в дом. Бабушка стояла на крыльце и презрительно смотрела на меня.

Она трижды хлопнула в ладоши, требуя тишины. За ее спиной сиял волшебный свет – в подвешенных тыквах танцевали огоньки свечей. Я посмотрел в ночное небо, на душе было тяжело. За нами крались клубы тумана из ближайшего леса, спускались по холму, и щекотали траву призрачными пальцами. Сдерживая дрожь, я искал глазами Прю.

Я увидел ее рыжие волосы на другой стороне толпы. Рядом с ней стоял незнакомец. Так, как будто всегда был здесь. Он посмотрел на меня, сощурился светлыми глазами. Я переступил с ноги на ногу и уставился в землю.

– Добрый вечер, – наконец сказала бабушка. Она сняла фартук и отдала его служанке, которая появилась у нее за спиной. – Мы очень долго ждали, и мое сердце радуется, когда я вижу, что в этот вечер вы все-таки решили навестить дом своих предков. Не сомневайтесь,

сегодня мы многое оставим в прошлом, завершим дело нашего великого пращура и, наконец, избавимся от оков.

Я фыркнул, но в звенящей тишине это прозвучало слишком громко. Бабушка повернулась ко мне. Ее светлые глаза улыбались, и улыбка переползла на все лицо:

– Добро пожаловать домой.

Глава 4

Семейное собрание или что-то типа того

Давайте кое-что проясним. «Дом» – это не просто дом, не деревянный домик с клумбами и стеной, увитой виноградом, как в сказке. Нет, это скорее поместье. Или даже дворец.

Журнал «Архитектура Новой Англии» назвал его замком, но это, конечно, преувеличение. Ну, да, вокруг есть конюшни и бабушкин сад на полгектара, но нет подъемного моста через ров, да и рва тоже нет. Папа раз десять пытался объяснить журналисту, что название «Дом» пошло от того, что на этом месте стоял первый дом Реддингов, когда они только прибыли в Редхуд.

В статье говорилось, что дом «сложно описать, он похож на нечто среднее между классическим европейским каменным замком и воплощением колониальных традиций. Глядя на него, невольно думаешь о благополучии, грандиозности и невероятном недостатке. Когда-то здесь стоял одноэтажный домишко, а сейчас тут тридцать восемь каминов из испанского мрамора, крытый бассейн, винный погреб, портик размерами с обычный дом, пятьдесят гостевых комнат, спа-зона и несколько башен со шпилями, фронтонами и бойницами».

Бабушка сияла как начищенный пятак, когда читала эту статью. Но мне показалось, что дом в ней описан как отель, где богачей ожидает насильственная смерть. Отель из триллеров, где по коридорам бродят монстры, размахивая топорами.

Бабушка взяла нас с Прю за плечи и отвела в самую большую комнату на первом этаже – гостиную в стиле Людовика XIV. Понятия не имею, кто такой этот Людовик, но кто-то должен был с ним поговорить о его нездоровой привязанности к позолоченным обнаженным ангелочкам.

Когда начали разносить еду, моя двоюродная бабушка – дизайнер интерьеров у *той самой* Лили Белл – объясняла, в чем ценность фрески с ягнятами на потолке. Официанты осторожно, но быстро скользили по комнате, их ярко-красная униформа пылала на фоне белого моря одежды гостей. Знаете, бывает иногда такое чувство, что кто-то смотрит на тебя, будто втыкает два гвоздя в основание черепа. Я обернулся и заметил, как моя тетя быстро отвела взгляд и с интересом уставилась на свой бокал. Дядя тоже отвернулся – к портрету Сайленс Реддинг на стене – и притворился, что ведет с ним оживленную беседу.

Треск старых костей дома тонул в доносившемся из холла вое скрипок. На них играли какие-то троюродные родственники. Казалось, что от каждой ноты у меня на коже появляется маленький порез. Я начал потихоньку пятиться к выходу, но внезапно меня сильно толкнули в спину. Так сильно, что дыхание сбилось. И я снова оказался рядом с двоюродной бабушкой. Пихнул меня двоюродный дедушка Филипп. Его закрученные пышные седые усы были еще мокрыми от сидра, а брови, такие же седые, но сухие и кустистые, поднялись, когда он подтолкнул меня острыми костяшками пальцев к своей жене, которая по-прежнему так была увлечена потолком, что и не заметила моего побега.

– ...чтобы сделать точную копию интерьеров Версаля, миссис Реддинг нужно... – (Миссис Реддинг – это моя бабушка.) – Она должна поступить так же, как Лили Белл, да-да, *та самая*. Она должна поступить, как Лили Белл, и везде поставить зеркала, во всю стену. Не понимаю, почему она от них отказывается!

Журналист из «Архитектуры Новой Англии» задал тот же вопрос. Папа пожал плечами и сказал, что в доме никогда не было зеркал из-за дурацкой – извините, *самобытной*, по бабушкиной версии – городской легенды, в которой что-то говорится о призраках и неудачах. Что-то вроде: если не закрыть все зеркала до заката, они напустят в дом толпу злых духов. И, хотите

верьте, хотите нет, большинство людей в Редхуде, особенно семьи, живущие здесь дольше других, до сих пор закрывают на ночь все зеркала, какие у них есть.

Я осмотрелся, пытаюсь придумать новый план побега, и опять увидел незнакомца.

Он прохаживался в дальней части комнаты мимо бюстов мертвых поэтов и родственников, мимо книжных полок. Когда мимо проносили подносы с закусками, его костлявая рука вытягивалась и что-нибудь с них выхватывала. И незнакомец снова исчезал в тени. *Вздох.*

– О, Берта, хочу еще раз поблагодарить тебя за нашу беседку! – Трюродная сестра схватила мою двоюродную бабушку за локоть и развернула к себе. Я не мог упустить такой шанс и, пригнувшись, побежал из комнаты, стараясь не спотыкаться о мебель, официантов и раздраженные взгляды гостей. Где же Прю? Я потерял ее, когда мы вошли. Бабушка увела ее в сторону, чтобы похвастаться сестре новыми достижениями внучки. Мне постоянно казалось, что я ее вижу, но это были только плакаты фонда «От сердца к сердцу» и журналы с Прю на обложке, расставленные по всему дому в красивых рамках.

Я продвинулся на целых полтора метра по коридору, когда тетя поймала меня за ворот пиджака и потащила обратно, заключив в страстные объятия с невыносимым ароматом розы. Что ж, первый блин комом.

– И куда же уехали твои дражайшие... – Ее рот скривился, когда она произносила это слово: – родители на этот раз?

– В Китай, – ответил я. – Открывают там офис своей благотворительной организации.

– Как это... мило.

«Смотри не надорвись, столько комплиментов», – подумал я.

– А тебе не кажется странным, – тетя Клаудия принялась слюнявить пальцы, чтобы пригладить мне волосы, – что они тратят все ваши деньги на других детей?

– Я уверен, что в этом доме есть сотни словарей, в которых вы можете посмотреть, что значит «благотворительность», – пробормотал я, пытаюсь высвободиться. Мне уже приходилось участвовать в десятках тысяч подобных разговоров. Родители вкладывали большую часть денег в благотворительность, и в глазах остальных родственников это автоматически делало их идиотами.

– Да, благотворительность – не та болезнь, которую просто излечить, – раздался бабушкин голос у меня за спиной. – Но когда-нибудь твой отец это поймет. Ох, вот ты где, Пруденс! Посмотрите-ка – просто загляденье!

Я проследил за бабушкиным взглядом и увидел, как Прю спускается со второго этажа. На ней теперь было длинное черное бархатное платье с белым кружевным воротником. Прекрасно понимая, как глупо она выглядит, Прю покраснела, и ее лицо стало одного цвета с волосами.

Я попытался привлечь ее внимание, но бабушка сжала мою руку и так ее дернула, что едва не забросила меня на первую ступеньку.

– Проспер, иди наверх. Я и для тебя приготовила одежду. И умойся, будь любезен.

Впервые за последний час я смог наконец спросить:

– Мы что, все вместе пойдем на парад? Он скоро начнется.

– Сначала будет что-то вроде семейного праздника, – ответила бабушка и вцепилась ногтями в мой рукав. – Сегодня особенный День Основателей. А теперь будь хорошим мальчиком и...

Но тут к бабушке подошла Мелли, наша новая горничная. Она теребила подол форменного платья.

– В чем дело? – рявкнула бабушка.

– Мэм, снова звонят. Ваш сын говорит, что ему необходимо срочно поговорить с кем-нибудь из его детей.

Мелли увидела меня и осеклась. По ее лицу пробежала тень, она побледнела от страха. А бабушка стала похожа на одну из горгулий, которые сидят на крыше дома.

– Неужели? – пропела она, натянуто улыбаясь. – Будь любезна, скажи, что мы заняты, хорошо?

Это был приказ, а не просьба. Но я совершенно не собирался ему подчиняться.

И мы побежали. Служанка – на кухню, а я – наверх. У меня была всего секунда, а может и меньше. Я распахнул дверь в старый дедушкин кабинет и бросился к телефону, перегнувшись через необъятный письменный стол. Почти задохнувшись, я услышал в трубке:

– Извините, сэр, она сказала, что все заняты...

– Вы можете хотя бы объяснить, почему их мобильники не отвечают?

Я никогда не слышал, чтобы папа так волновался. Он говорил громче обычного, видимо, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. Я отодвинулся от края стола, ощупывая карманы, и только потом вспомнил, что мой телефон остался в сумке. Мне показалось, что отец собирается положить трубку.

– Па... папа?

– Проспер?!

Мелли начала всхлипывать. Кажется, она знала, на что способна бабушка. Вряд ли теперь для нее найдется работа в штате Массачусетс, да и вообще на всей планете Земля.

– Мелли, я ничего не скажу, – пообещал я. – Просто дайте мне поговорить с ним. Пожалуйста.

Девушка еле слышно зашептала:

– Но миссис Реддинг...

– Я все улажу, – сказал папа. – Вы не потеряете работу.

Краем глаза я увидел серебристый отблеск в темном кабинете. Фотография в рамке. На ней папа гордо держит в руках гарвардский диплом. Рядом с ним, уцепившись за его локти, стоят мои тетюшки. Выглядят они гораздо моложе и не такими двинутыми, как сейчас. Глупо, наверное, но посмотрев на папино улыбающееся лицо, я почувствовал себя немного лучше.

И все-таки с этим снимком было что-то не то. Свободной рукой тетя Клаудия обнимает какого-то мальчика. Тот стоит с краю, руки в карманах джинсов, на голове бейсболка с надписью «Гарвард». Его фотографируют сбоку, и он смотрит вниз, но это мог быть... Это мог быть мой дядя.

Я услышал щелчок: это Мелли повесила трубку. Я не успел ничего спросить, а папа быстро заговорил:

– Проспер, найди сестру, бегите из дома. Прямо сейчас! Быстрее! Я и подумать не мог, что она так поступит, и будет такой... – связь на мгновение прервалась. – Мы с мамой пытаемся вернуться домой, но...

Дверь в кабинет распахнулась, и сразу стало светлее. От неожиданности я уронил телефон, и у бабули появилась замечательная возможность подхватить его и повесить трубку. Ничего себе!

Я закричал:

– Эй! Я же разговаривал с...

Секунду бабушка яростно смотрела на меня, ее грудь тяжело вздымалась. С неожиданной силой она выволокла меня из кабинета.

– Ты был занозой, с тех самых пор, как родился!

– Так и ты, бабуля, не подарок!

Папа читал нам мифы Древней Греции, и мне запомнилась история про чудовище по имени Медуза. Вместо волос у нее были змеи, и она могла одним взглядом превратить человека в камень. У бабушки, кажется, змей на голове не было, но ее глаза метали такие молнии, что мои руки и ноги превратились-таки в камень. Я даже перевести дух не мог!

– Надеюсь только, что это ты, – прошипела она, схватила меня за воротник и потащила по лестнице.

Глава 5

Испытание

Рейберн, дворецкий, похожий на паука, встретил нас на площадке между первым и вторым этажами. Рядом стояла Прю. Трость дворецкого выбивала нервный нетерпеливый ритм у ее ног. Такая ненависть к людям младше сорока кажется удивительной, когда человек вырос- тил, по меньшей мере, три поколения Реддингов и видел – буквально! – сотни наших родствен- ников!

Он так давно открывает здесь двери, что никто не знает, дом появился раньше или Рей- берн. Он не служит здесь, а обитает. Как привидение.

– Мисс, – с возрастом его голос стал хриплым и трескучим. – Остальные ждут нас внизу.

Прю посмотрела, как родственники вереницей спускаются в подвал, и повернулась ко мне:

– Что происходит?

«Проспер! – настойчиво повторил папин голос у меня в голове. – Возьми сестру и бегите из дома. Прямо сейчас».

Я мог схватить Прю и бежать. Конечно, она была больше меня, но мне и не нужно было тащить ее на себе. Все шли к задней двери, а мы могли бы повернуть к парадной. Это было просто, стоило лишь привлечь ее внимание.

Лестница скрипнула. Прямо перед нами спускались двоюродные дедушки Бартоломью и Теодор. Им было около шестидесяти, но в молодости они играли в регби и до сих пор оста- вались широкоплечими здоровяками. Бартоломью предложил Прю руку, и она – *дура-дура- дура!* – тут же оперлась на нее и болтала, не переставая. Я попытался влезть между ними, тянулся к сестре, как только мог. Но оступился и потерял равновесие. Я вцепился в ее руку и потянул нас назад, чтобы не налететь на Бартоломью. Мы запутались в ногах и ступеньках и грохнулись так, что у меня потемнело в глазах.

– Извини, – пробормотал я, задыхаясь. – Извини, Прю, но...

Она оттолкнула меня и встала. Вся красная от гнева.

– Что тебе нужно? Я больше не хочу ходить с тобой за ручку, и мне не нужна твоя помощь! Господи, да повзрослей уже!

Я отступил на шаг, от ее слов мне стало по-настоящему больно, но она бросила на меня яростный взгляд и отвернулась. Внезапно меня подбросило над лестницей. Это двоюродный дедушка Теодор схватил меня и сжал так, что позвоночник хрустнул. Я повис лицом к нему и теперь видел лишь значок с семейным гербом на его светлом пиджаке, а Прю вообще не видел. Поэтому я и не догадался, что мы идем в подвал, пока мы там не оказались.

Когда я был маленьким, то думал, что у дома есть свой тайный голос. Он слышен, когда выключены все лампы, и от темноты спасает лишь ночник. Дом шепчет о людях, которые жили в нем, умирали в его кроватях. Стонет под грузом прожитых столетий, шипит по-змеиному: «Спускайся вниз, вниз, вниз...» Вниз, под какие-то коридоры неясного назначения. Вниз, под закопченную кухню. Вниз, в подвал, где свалено все, о чем следует забыть. Вниз, к тяжелой двери, всегда – *навсегда!* – запертой. Вниз, в подzemелье.

Может, это и шутка, но почему тут всегда заперто, если это просто кладовка? Что бабушка там такого хранит, чего никому нельзя видеть? Просто интересно, сколько людей спускалось туда за долгую, долгую, долгую жизнь дома. А тяжелый железный ключ в руках держали, наверное, вообще единицы.

У Рейберна была какая-то мистическая связь с этой дверью и жуткая привычка внезапно появляться, когда кто-нибудь к ней приближался. Но даже если бы ничего этого не было, на

двери было четыре – *представляете, четыре!* – стальных замка, и для каждого нужен свой ключ.

Дэвид часто рассказывал мне о пыточных инструментах, которые, якобы, хранились там. И о том, что бабушка только и ждет удобного случая, чтобы опробовать на мне каждый из них. *Она засунет тебя в доспехи с шипами внутри и положит на кровать с гвоздями, чтобы посмотреть, проткнут ли они тебя насквозь. Она привяжет тебя к колесу и будет вращать его, пока твои руки и ноги не оторвутся, и кровь забрызгает стены.*

Я ненавижу дом, но еще больше я ненавижу Дэвида. Двоюродный дедушка Бартоломью кряхтел, проталкивая меня в подвальную дверь. Я пытался зацепиться за косяк, но дед был гораздо сильнее и тяжелее, а я хотел, чтобы мои руки остались целыми. Может, они мне еще пригодятся.

Ступеньки были покатыми, словно отполированными сотнями ног. Но как это вообще возможно? Если только, если только... А вдруг подвал – часть первого дома? Маленького домика, построенного в семнадцатом веке, который тогда еще не был тем, чем стал теперь. Простые подсвечники на стенах подтверждали мою догадку. Электричества нет. Отопления, кстати, тоже.

Снизу повеяло сыростью и холодом, пробирающими до костей. Когда мы спустились еще на один пролет, слышались голоса. Они звучали то громче, то тише, звуки дрожали, как блики свечей на стенах. От запаха воска, пыли и чего-то еще, похожего на тухлые яйца, у меня запершило в горле, и я отчаянно пытался не закашлять. Мысли разбежались, как пауки, слишком быстрые, чтобы их поймать.

Но оказалось, что подземелье – всего лишь пустая комната без окон. В ней не было ничего, кроме небольшого стола и полусотни родственников. Места не хватало даже их теням, не то что мне и Прю. Я смотрел, как наш жуткий, вечно улыбающийся двоюродный дедушка пропускает Прю вперед, и мое сердце сжалось. Он расчистил ей путь через комнату. Дедушка Бартоломью подталкивал меня вперед, чтобы я шел вслед за ней. Я пытался не замечать, *как* все смотрят на меня и пытаются не задеть даже пальцем, даже краем одежды. «Бежать, бежать, – думал я, – Надо бежать отсюда...»

У стены стоял маленький столик, задрапированный бархатом. Я обернулся к остальным, пытаюсь понять выражения лиц. Теплый оранжевый свет сотен свечей дрожал на светлых одеждах. Если бы я мог, я бы нарисовал их легкими, как привидения, которые скользят по грани видимого мира.

Прю сильно пихнула меня локтем под ребра и указала на странное возвышение на столе. Оно было накрыто черной тканью, тонкой, как разлитые чернила.

«Вот черт, – подумал я. – Мои родственники действительно сектанты. Чувак, который писал что-то такое в своем блоге, был прав».

– Итак... – сказала бабушка, – в нашей семье существует древняя традиция...

– Давай уже! – огрызнулся дедушка Бартоломью. – Все знают, зачем мы тут собрались. Чего тянуть.

– Может, придержишь свой язык, чтобы я могла его отрезать? – прошипела она. Вены у нее на руках набухли и пульсировали, когда она проводила пальцами по черной ткани. – Нет? Тогда помолчи.

Я тяжело сглотнул.

– В нашей семье существует древняя традиция, – повторила она холоднее, чем в прошлый раз. – Традиция служить миру и делать его лучше. Сегодня вечером мы на этом и сосредоточимся.

Бабушка сдернула черную ткань. От страха я отпрыгнул и дернул за собой Прю. Я ждал, что оттуда выскочит что-нибудь ужасное и обглодает мне лицо.

Но... это была всего лишь книга.

Очень-очень старая книга. Огромная, гораздо больше всех, что я видел в школе. Коричневый кожаный переплет потрескался и местами потемнел от времени. Мне даже показалось, что когда-то на ней был замок, но его давно срезали. Книга пахла дымом, как будто страницы впитали память о пожаре.

– Бабушка? – Прю, как и все остальные, была в растерянности и не знала, куда смотреть. За мной стоял дедушка Теодор. На голову мне упала капля его пота. Обеими руками бабушка аккуратно открыла книгу. Сотни тяжелых желтых страниц, большинство которых давно выпали из переплета.

– Пруденс, дитя мое, – сказала бабушка. – Прочти, пожалуйста, первую страницу.

Я ослабил воротник рубашки. В тесном подвале становилось невыносимо душно. Сердце билось все быстрее, и уже готово было выпрыгнуть из груди.

Прю наклонилась над книгой так низко, что задела ее волосами. Она поморщилась, словно что-то ее расстроило. Я встал на цыпочки и заглядывал ей через плечо, пытаясь не упасть.

Я смахнул пот и потер глаза. Страница была пуста, но потом на ней стали проступать ярко-красные пятна, как будто все это время они пробирались вверх через сотни страниц. Струйки чернил ползли, как крошечные змейки, переплетаясь друг с другом. Пятна извивались и растягивались, наплывали друг на друга и образовали неразборчивую надпись.

*«Духи Тьмы, Демоны Ночи,
Эту книгу открыть вы не сможете».*

Прю посмотрела на бабушку.

– Но там ничего нет, страница пуста.

– Ты чего? – спросил я, и потянулся к книге, чтобы ее пододвинуть. – Смотри, тут же написано...

Внезапно грудь пронзила острая боль, как будто меня ударило оголенным проводом.

В ушах раздался пронзительный крик то ли боли, то ли злобы. Я потрогал свое горло и испугался. Это был не я, мои губы не двигались. Боль в груди изменилась. Мне не хватало воздуха, казалось, что меня раздирают на части и бросают кости моим родственникам, которые дышали часто, как собаки. Я упал на колени и ударился головой о край стола. Все вокруг завертелось, дом закачался. Раздался еще один крик, громче и страшнее. Я заставил себя поднять глаза.

Книга на столе вдруг раскалилась добела и вспыхнула.

Глава 6

Легче не стало

Я до сих пор не могу толком вспомнить, что случилось дальше.

Воспоминания были какими-то туманными. Кое-что я помнил обрывками, иногда они складывались в картинку, и вновь распадались. Все как будто состояло из кусочков, фрагментов и сомнений. Кажется, я слышал, как Прю выкрикивала мое имя, и, наверное, видел, как ее рыжие волосы мелькнули в бликах свечей. Бабушка набросила черную ткань на книгу, пытаясь сбить пламя, пока оно не перекинулось на ее белый пиджак.

Я не понимал: то ли я вдыхаю огонь и дым, то ли они вырываются из моей груди. Кожа горела, в груди что-то булькало. От этого звука у меня свело челюсти. Казалось, что мои кости превращаются в изломанные колючие ветки.

«*А-а-ха-ха-а*», – зевнул кто-то у меня в голове.

Сотня ног громыкала по лестнице, я лежал на полу, и он трясся у меня перед глазами. Но одна пара ног направилась ко мне, а не вверх. Идеальные туфли на каблуках с носами, острыми как бритвы, цок-цок-цокали по каменному полу.

«Вставай, – думал я. – Вставай сейчас же». Я застонал, перевернулся и упал на спину, пытаясь засунуть руки под себя. Меня накрыло волной слабости, которая прокатилась по мне от головы до пяток, а потом растворилась в темноте. Когда я немного пришел в себя, то увидел, что Прю стоит на лестнице. Она была бледна, почти прозрачна, как воск оплывающих свечей.

– Проспер! Проспер! – Она хотела броситься ко мне, но дедушка Теодор поднял ее, обхватив за талию огромной ручищей, не обращая внимания на ее крики, пинки и протесты.

– Нет! – задыхаясь, попытался крикнуть я.

Я должен был помочь Прю, должен был защитить ее. Но ко мне подошел дедушка Бартоломью. В руке у него было что-то длинное и блестящее. Огонек свечи отразился в лезвии, и я понял, что он держит.

Нож.

Рейберн прижал мое плечо к полу резиновым наконечником трости. Я пытался пнуть его костлявые колени и сбить с ног, но тело отказывалось выполнять приказы мозга. Я увидел бабушкино напряженное лицо, на котором застыло непреодолимое отвращение, еще более сильное, чем обычно. Она взяла нож.

«*Нет!* – проревел голос в моей голове. – *Не сегодня! Никогда!*» Сильный порыв ветра распахнул дверь, отбросил с дороги визжащую тетю Клаудию и задул все свечи. Стало темно.

Кажется, теперь кричали все. Ноги снова затопали по полу, который трясся и стонал. Лезвие полоснуло мою левую руку чуть ниже локтя. Я закричал от боли, собаки наверху бешено залаяли. Обжигающая боль разлилась как горячий воск.

У меня над головой произошло какое-то движение. В нос ударил запах пота и хвои. В нескольких сантиметрах от моего лица пролетела бабушка и столкнулась с Рейберном. Они упали на пол, сцепившись руками и ногами. Я попытался откатиться в сторону. Нож отскочил и, звякнув, ударился об пол. Я потянулся за ним, чтобы отбиваться, если кто-то еще соберется напасть на меня, но неизвестно откуда взявшаяся бледная рука стремительно схватила его.

Я не видел незнакомца в темноте, но узнал по противному запаху и белой рубашке, которая была ему велика и раздувалась, так что он стал похож на одуванчик. От него веяло жаром, как от перегретой лампы. Я с трудом поднялся на четвереньки и попытался уползти. Одно дело, когда тебя пытаются прихлопнуть родственники, и совсем другое, когда тебя собирается выпотрошить неизвестно кто. Не сейчас! Сейчас мне очень нужно найти Прю.

Я ждал, что он вонзит обжигающий металл мне в позвоночник, но вместо этого он двумя руками схватил меня за пиджак. Следующее, что я помню: незнакомец закидывает меня себе на плечо, как поклажу.

– Все нормально, пацан?

Когда он заговорил, его узкие плечи дрогнули. Ответить я не мог, а он не мог видеть, как я киваю. Но, кажется, ему было достаточно и того, что я дышу. Включилась пожарная сигнализация, с потолка полилась ледяная вода, панические вопли превратились в шипение.

– Ты! – бабушка пыталась перекричать шипение разбрызгивателей. Я не видел ее лица – только родственников, которые продолжали стоять на лестнице и пялиться. Я вообще не видел ее, пока тот человек не повернулся к лестнице и не побежал.

Рейберн отключился, бабушка пыталась выбраться из-под него, ее волосы стояли дыбом. Вода больше не текла с потолка, но шипение продолжалось, я не понимал почему, пока не посмотрел вниз.

Я уже и забыл! Мой мозг просто решил забыть об этом. А от меня все еще валил пар. Вода испарялась с моей кожи и одежды, превращаясь в белые клубы пара, как будто кто-то выкрутил температуру до упора. Я нервно глотал воздух, который отдавал горелым мясом, дымом и тухлыми яйцами.

«Спасайся бегством!» – зазвенел голос в моей голове. – *Беги, слизняк. Я выручу тебя. Но только один раз».* Думаю, незнакомец тоже это слышал. Во всяком случае, он помчался быстрее пули. Несколько пар рук пытались схватить меня, но, едва коснувшись, обжигались. Крики боли не утихали.

Мы поднялись по лестнице, и большинство разрушений скрылось в дыму. Лица проплывали и снова скрывались в его серых клубах. Последнее, кого я увидел, была бабушка. Она пыталась встать, но каблучки ее туфель сломались, белое платье почернело от грязи и копоти... А потом аварийные огни погасли.

– Не смейте забирать мальчишку! – кричала она.

Силы покинули меня, вылетев как мошки с очередным глубоким вдохом и выдохом. Глаза закрылись сами собой. Веки стали ужасно тяжелыми... Я весь стал ужасно тяжелым.

«Не спи! – приказывал я себе. – Не смей отключаться!»

Незнакомец сжал мои ноги сильнее, перед тем как открыть дверь. Холодный чистый воздух наполнил мои легкие, слезы щипали глаза. Мне нужно найти Прю, я не могу уйти без Прю...

«Нет», – в моей голове раздался гулкий и одновременно мягкий голос. Тот, кто говорил, был не старше меня, но у него был странный акцент, и он как-то забавно выговаривал гласные.

«Нет, – сказал голос. – Сейчас мы должны отдохнуть».

Не похоже, чтобы мое мнение кого-то интересовало. Чужие слова бурлили внутри моей головы, и я, наконец, отключился.

Глава 7

Стук костей

Огромная черная кошка, скорее пантера, медленно шла ко мне, постукивая когтями. Изогнув хвост вопросительным знаком, она мурлыкала в темноте: «Пробуди поющую кость, пробуди поющую кость». Зеленые глаза следили за мной, но я не мог пошевелиться, даже отвернуться не мог. Как будто кто-то поймал меня в потный влажный кулак, и сжимал его каждый раз, когда я пытался сделать вдох. А потом кошка сделала то, чего я от нее не ожидал, раньше такого не было. Свет в ее глазах вспыхнул и стал ярким, как раскаленная зеленая лава.

И она убежала.

«Да что это за поющая кость?» – пытался я крикнуть ей вслед, но рот как будто зашили. Просто поз... Просто поз... Про-сто-поз-воль-мне-проснуться!

ПРОСНИСЬ!

Эти слова прогрехотали внутри, заметались внутри головы и разбудили меня. Левая рука покрылась шрамами, шевелить ею даже чуть-чуть было больно так, что меня затошнило. Я зажмурился и попытался сделать глубокий вдох, потом еще раз, но, оказалось, что меня туго запеленали в колючие одеяла. Я отбросил их ногами, извиваясь в попытках избавиться от удушья жары.

Из окна дул божественно прохладный сухой ветерок, мешавшийся с легким запахом каминного дыма. Наверное, мама опять печет пироги внизу, я чувствую ароматы корицы и лаванды. Где-то поблизости смеялись дети, опавшие листья хрустели под их велосипедами, залаяла собака, но ее заглушила проезжающая мимо машина.

Я с облегчением выдохнул и перевернулся на живот, уткнувшись лицом в подушку. И немного успокоился.

Я дома.

В безопасности.

В порядке.

Просто это был самый кошмарный из моих кошмаров. Но всего лишь кошмар. А потом я открыл глаза. И уставился в идеально круглые и неправдоподобно желтые глаза черного пушистого шарика.

– Что за хрень? – с трудом произнес я.

Шарик зашипел, показывая два острых, как у вампира, зуба, и вцепился когтями мне в грудь.

– Ой!

Тело оказалось быстрее мозга и дернулось от испуга. Пушистое создание быстро, как тень, метнулось под диван. Я упал на пол, подняв огромное облако пыли из коврика, лежавшего на полу. Я выкашливал легкие, чихал так, что это представляло реальную опасность для остатков мозгов, и ждал, когда исчезнут пятна перед глазами, и я наконец увижу, куда попал.

Прижав поврежденную руку к груди, я пытался дышать так, чтобы не было больно. Со свистом втягивая воздух между зубами, я осмотрелся.

Черт. Черт. Черт. Это не кошмар. Не кошмар!

Низкий и скошенный потолок ближе к центру становился чуть выше. Я бы не смог встать в полный рост у стены, но это было и не важно, ведь вдоль стен громоздились кучи хлама. Под темными балками стояла старая сломанная мебель. Ножку стола заменяла стопка старых толстых книг в кожаных переплетах. На стене висела спинка деревянного стула, по ней вились лозы, похожие на темные бархатные ленточки. Старые ящики платяного шкафа были забиты

землей и в них росли какие-то мелкие травянистые растения, а на полках стояли бутылочки с мутными жидкостями желтого и коричневого цвета и медные кастрюльки.

У другой стены стояла подернутая паутиной прятка, рядом с ней – стол, заваленный книгами и бумагами, края которых загибались, как нестриженные ногти. Боковым зрением я заметил что-то кислотно-оранжевого цвета. Опустив глаза, я увидел, что на мне ярко-оранжевая рубашка. Совершенно точно не моя. Пытаясь разглядеть рисунок на ней, я вытянул правую руку.

Огромная скалящаяся тыква. Не знаю, что было уродливее: она или пушистые вязаные носки, согревавшие мне ноги. На правом было вышито «СЛАДОСТЬ», на левом – «ГАДОСТЬ». И трусы. Боксеры до колен с сотнями маленьких зеленых ведьм, парящих на метлах.

Но интереснее всего была аккуратная белая повязка чуть ниже левого локтя. Через нее проступило зловещее пятно засохшей крови. Это было похоже на то, как вчера красные чернила просачивались сквозь *ту книгу*.

Воспоминания прошлой ночи возвращались всполохами огня и дыма: книга, нож, голос, незнакомец... И...

Прю! Я встал на колени, прижимая дрожащую руку к груди, и очень, очень, очень сильно постарался сдержать тошноту. Это не мой дом и не дом бабушки. И если я здесь, то где Прю? Схватил ли незнакомец и ее?

Мои ноги тряслись, но я все-таки поднялся, опираясь о пыльно-голубой диван, с которого умудрился свалиться. В открытые окна и щели в стене пробивался дикий плющ с улицы, словно в надежде погреться. Его листья пожухли осенью, ветки, как вены, бежали по темным деревянным стенам. Некоторое время я смотрел на них, пытаясь понять, как нарисовать их той краской, которую я прятал в коробке под кроватью. Заходящее солнце залило комнату цветом чистейшего сидра. Краски так заиграли, что даже сажа в старом, уставленном свечами камине, почти заискрилась.

У другой стены комнаты стояло треснутое зеркало в пыльной позолоченной раме. Я похромал к нему, спотыкаясь о горы одежды и переполненные черные мусорные мешки, стоящие у стены. Когда я, наконец, дошел, то некоторое время недоумевал, пока не понял, что смотрю на себя.

На щеке у меня красовался синяк – лилово-черный, с прозеленью. Я ткнул в него пальцем и сразу же пожалел, но дело было даже не в нем. Волосы торчали в разные стороны, и я был похож на нахохлившегося вороненка. Я повернулся в поисках воды или расчески, чтобы привести прическу в порядок, и понял: я же совсем не знаю, где я нахожусь. То, как я выглядел или был одет, не имело никакого значения, потому что существовала вероятность (хоть и небольшая), что меня скоро убьют. Дело в том, что каждый Реддинг чем-то да прославился. И я буду тем Реддингом, который *умер в костюме гигантской тыквы*.

Надо выбираться отсюда. Я с трудом перешагнул через старую метлу, стоявшую у книжного шкафа. Казалось, что шкаф вот-вот извергнет тысячи измятых рваных страниц. Резная деревянная ручка метлы была гладкой, а вместо прутьев был пучок старой соломы, перевязанной веревкой.

Подумав, что, в случае нападения, придется отбиваться чем-то похожим на засохший парик, я решил взять медную кастрюльку.

Две узкие кровати были сдвинуты вместе буквой «Г» в другом углу комнаты, рядом с горой старых кожаных чемоданов, которая отделяла комнату от маленькой кухни. Если, конечно, раковину, металлический столик на колесах, очень маленький холодильник и микроволновку можно считать кухней.

Пушистый шарик снова зашипел из-под дивана. Я видел только его большие круглые сверкающие глаза.

– Ну что, – неубедительно пробормотал я. – Ты мне тоже не очень нравишься, так что...

Он наклонил голову, и я подумал о гигантской пантере из своих снов. Но котенок был таким маленьким и таким пушистым, что был похож на комок шерсти, которым могло чихнуть чудовище из моих кошмаров.

Шершавые половицы скрипели под ногами. Я перестал чувствовать сладкий запах морозного воздуха и запахи цветов и трав, которые сушились на столе. Теперь противно пахло плесенью, пылью и прокисшим молоком. Сквозняк закружил на полу одинокий красный лист, и он затанцевал на старой плетеной циновке вместе с клочком газеты.

Что это за место? Где оно?

Я не сразу заметил... Сначала мне казалось, что в этой маленькой комнате все нагромождено как попало. Но по направлению ветра я понял, откуда прилетел клочок газеты. Над одной из кроватей рядами висели вырезки. Прижимая к груди медную кастрюльку, я подошел к ним. Ветер трепал листочки, и все они поднимались и опускались разом, как будто стена дышала. Рядом с вырезками висели фотографии, десятки фотографий, но на этих снимках не было незнакомца.

Это были снимки моей семьи!

Газетные и журнальные статьи. Выглядело это так, как будто за нами следили. Вот мы с Прю на фото, сделанном папарацци на День Основателей в прошлом году. Как раз перед съемкой меня столкнули со школьной сцены в грязь. Семейные рождественские открытки за пять лет. Даже фото мамы и папы, когда они были молодыми, не многим старше меня.

**СЕМЬЯ РЕДДИНГОВ УСТАНОВИЛА НОВЫЙ РЕКОРД.
УДАЧА ОДНОЙ СЕМЬИ – ДОСТОЯНИЕ ВСЕГО ГОРОДА.
САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ДОМ РЕДХУДА.**

Все эти вырезки были про кого-то из нашей семьи, про дом или город.

Я залез на кровать, чтобы посмотреть поближе. Справа от фотографий и статей висели какие-то заметки: рисунки, распечатки. Черно-белые, кажется, сделанные тушью... А, я понял, что это. Такие штуки были в Музее Редхуда. Гравюры первых переселенцев. Только здесь не было счастливых пилигримов, собирающих урожай и воспитывающих детей. То, что я увидел, было слишком жутко. Даже хуже, чем портрет бабушки в молодости. На одной картинке мужчины в шляпах и женщины в чепцах, все в длинных одеждах и черных накидках, подняв руки, стояли у огня. На другой женщина держала в руке метлу и крепко прижимала к себе книгу.

Я потянулся и сорвал картинку со стены. По спине пробежал холодок, по позвоночнику будто полоснули когтем. На дереве, подвешенные за шеи на веревках, как мертвые гуси, висели люди. Содрав со стены и другие картинки, я разбросал их по кровати и рассматривал, не веря своим глазам. На каждой был маленький дьяволенок с рогами и заостренным хвостом, трехзубцем и крылышками, как у летучей мыши. Я посмотрел в самую середину колышущихся листочков: там было нарисованное от руки родовое древо. Оно начиналось с Онора Реддинга, от него вилась красная линия, которая упиралась в мое имя.

И я стал искать компьютер или телефон, хоть что-нибудь, чтобы связаться с родителями, но ничего не нашел.

Ну, конечно! Если меня похитили, то вряд ли позволят сбежать. Меня прошиб холодный пот, и по спине поползли мурашки. В горле застыл панический крик, дыхание стало сиплым. Хуже того, я снова почувствовал запах тухлых яиц. Он был настолько сильным, что я буквально ощущал их вкус.

Я поискал свою одежду, обувь, что-нибудь, что поможет сбежать или хотя бы понять, где я. В отчаянии я занес ногу над подоконником, но вдруг услышал голос. Кажется, это говорила девочка.

– *Потому что мне дорого мое имя!*⁴ – Ее голос срывался, как будто она вот-вот расплачется. Образы и мысли беспорядочно крутились в голове, я пытался вспомнить, где слышал эти слова.

Взявшись за дверную ручку, я, не думая, повернул. Глубокий вдох. И вперед, в черный коридор.

Там было очень темно. Коридор был узким и длинным, сквозь черные шторы где-то в его конце едва виднелся лучик света. Что-то мягкое мазнуло меня по щеке. Я споткнулся о свою же ногу и взмахнул руками, чтобы не потерять равновесие, но только сильнее запутался в длинной белой паутине, свисавшей с потолка.

– *Потому что я не стою и мизинца тех, кто уже повешен!*

И я увидел ее. К сожалению, оставшуюся часть коридора я тоже увидел. На дверях и стенах висели топоры и окровавленные мечи, все они указывали на гроб, перед которым стояла девочка. Она грозила кулаком в сторону светящегося скелета, который в упор смотрел на нее пустыми глазницами. Нижняя его челюсть болталась, и рот был открыт, как будто он кричал.

– *Я продала вам свою душу,* – продолжила девочка и тихо зарычала, – *но я хочу сохранить имя свое чистым!*

Она бросилась на землю и чуть не уронила скелет. Помолчав секунду, она вздохнула и поднялась, пробормотав:

– Нет, это уже слишком.

Она снова встала у гроба, как будто собиралась повторить все снова. Щелкнула пальцами, и это было очень похоже на...

Нет, мне это кажется! Скелет не мог закрыть рот, а его рука не стала бы чесывать подбородок, как будто он решал, что с ней делать. В любом случае, не могу понять, как она не заметила обмотанного в паутину придурка в оранжевой рубашке, который все еще прижимал к себе медную кастрюльку.

– М-м, можешь помочь? – спросил я, уворачиваясь от огромного паука, сползающего сверху.

Девочка взвизгнула и повернулась ко мне. Она взмахнула руками, и меня как будто ударила в грудь сотня невидимых кулаков. Прорвав паутину, я летел, летел, летел, а потом падал, падал, падал, и пластиковые привидения и какие-то тряпки падали вместе со мной. Кастрюлька укатилась и исчезла где-то за огромным пауком.

Девочка просто дымилась от ярости, когда подскочила ко мне.

– Тебя что, не учили?! Никогда не пугай ведьму!

⁴ Здесь и далее – цитаты из пьесы А. Миллера «Суровое испытание», пер. Ф. Крымко и Н. Шахбазова. В основу пьесы легли события, произошедшие в Салеме в 1692 году. Несколько женщин обвинили в колдовстве и казнили.

Глава 8

Нелл и Барнабас

– Кого?

Мне послышалось, что она сказала: «ведьму». В открытое окно ворвался порыв ветра, и я, наверное, отвлекся. Я прижал перевязанную руку к груди, считая звездочки, которые плыли перед глазами. Рука разрывалась от боли, когда я попытался вылезти из-под пластиковых тыкв и черных покрывал. Надо бы поаккуратнее! Но не успел я подняться, как что-то маленькое и черное вылетело из открытой двери, и приземлилось прямо мне на лицо. Выпустив когти.

– Жаба, нет! – закричала девочка.

Пригнувшись, я бросился на пол. Котенок – если это был котенок – шмякнулся о стену и немного повисел на ней, зацепившись когтями. Он пытался высвободиться и раздраженно хлопал маленькими перепончатыми крылышками, как у летучей мыши.

Маленькими... перепончатыми... крылышками...

– О боже, – пробормотал я, попяtilся и упал. Девочка подошла ко мне, успокаивая пушистого бесенка. Облако ее темных кудрей было унизано сотней сияющих в темноте бусинок-звездочек.

– Что... Что это?

И он взлетел, натурально взлетел и опустил ее на руки.

– Кто тут такая хорошенькая Жабочка, кто мой сладкий мальчик? – сюсюкала она, поглаживая его маленький черный нос и не обращая на меня внимания. – Мы же говорили об этом, да? Нельзя нападать на гостей. Это наши друзья-я, наши го-ости. Гости, а не кости.

Котенок возмущенно вылизывал лапку.

– Ну, чего уставился? – спросила она. – Ведешь себя, как будто кошек никогда не видел.

– Но это не кошка, а монстр! – сказал я, пытаюсь не смотреть в его огромные глаза.

– Монстр? – Девочка попыталась перекричать шипение Жабы. – Единственный монстр в этой комнате – Реддинг, и вот он, прямо передо мной!.. Подожди... – Девочка перехватила котенка так, чтобы он мог расправить крылышки. – Ты их видишь?

– О, да.

– Ой! – Ее ярость испарилась, она опустила зверька на пол и поправила свои радужные очки. – То есть ты можешь видеть сквозь чары. А ведь я говорила ему, что ты сможешь...

– Кому говорила? – переспросил я.

– Ему, – ответила она.

– Правильно говорить «ему», – поправил ее я. Это единственное правило, которое я запомнил в школе. – Ладно, неважно. Так кому ты говорила?

Девочка и котенок посмотрели на меня, прищурились:

– Пойдем вниз. Видимо, я должна тебе все объяснить, пока он не вернулся.

Он? Незнакомец?

– Никуда я с тобой не пойду, – сказал я и отступил назад. Я быстро осмотрелся: в обоих концах узкого коридора были окна, но мы, скорее всего, на втором или третьем этаже. Так что я точно стану тем Реддингом, который свернул себе шею в рубашке-тыкве. Посередине коридора, где пол немного прогибался, было две двери. В одну я вошел, другую загоразживал скелет. Обе были криво вырезаны в голой темной деревянной стене. – Я даже не знаю, кто ты!

– Меня зовут Нелл Бишоп, – сказала она, подбоченившись. На ней был какой-то длинный балахон, сшитый из трех разных тканей в цветочек и нависающий над джинсами. – Я твоя... Я твоя двоюродная сестра. Наверное.

Круто. Только этого мне и не хватало: еще одной кузины, которая меня ненавидит.

– Наверное? – переспросил я. – То есть, это не точно? Или ты не знаешь наверняка?

Она сощурилась:

– Ты оказался именно таким доставучим, как я и предполагала. Отлично. Оставайся тут, мне-то что? И сиди один со своими вопросами. А мне надо все подготовить к сегодняшнему представлению.

Нелл резко повернулась к лестнице, отцепила маленькую цепочку с табличкой «НЕ ВХОДИТЬ» и побежала вниз. Она так топала, что стены тряслись. Я подумал: что-то мне не хочется стать Реддингом, Которого Пришибло Потолком, или Реддингом, Которого Покалечил Котенок-Мутант, и пошел за ней.

Если бы я сейчас сидел дома за столом и, открыв блокнот на пружинках, решил нарисовать свой самый страшный кошмар, то получившаяся картинка все равно оказалась бы *милой* по сравнению с этим домом.

Итак, я был не на втором этаже, а на четвертом. На чердаке. Лестница, словно хрупкий позвоночник, разделяла дом посередине. И то, что я видел, идя по ней, было одно ужаснее другого.

Спустившись на три пролета, я увидел три открытых двери. За левой в темноте я увидел какое-то удивительное световое шоу. Казалось, по комнате летают тысячи привидений, свиваясь в вихрь. Оттуда веяло таким холодом, что кожа покрывалась инеем. За средней дверью было что-то вроде темного леса ужасов: по деревьям ползали пауки, на стенах висели зеркала, от маленьких до огромных.

Я замер, увидев в самом большом зеркале свое отражение... Ну, не совсем свое. Древний, наверное, столетний, старик с моими глазами и ртом смотрел на меня, кричал и молотил изнутри по стеклу, будто пытаясь вырваться.

Бум! Я чуть не запрыгнул на перила, шарахнувшись от правой двери. Там что-то билось за мерцающим деревом, подобно неровному пульсу.

А потом я спустился на второй этаж. Там была комната с надгробиями и призрачной плачущей женщиной в старомодной одежде. Я почувствовал, как кровь стынет в жилах. Она посмотрела на меня. Ее голос звучал, будто она подошла ко мне вплотную и зашептала на ухо:

– Ты мой ребеночек? Ты мой сынок? Иди ко мне, милый. Мамочка так тебя любит...

Почему-то над ней клубились тучи. И прогремел гром, а из туч полил кровавый дождь.

Я повернулся к лестнице, но там, преграждая путь, стояла Нелл. Я попытался пройти, но она остановила меня, смеясь.

– Это все ненастоящее, умник. Смотри!

Но, могу поклясться, когда я наконец протиснулся мимо нее и побежал вниз, она быстро повернулась к комнате и провела рукой по горлу, а в ответ раздалось недовольное рычание.

– Да что это за место? – пробормотал я, когда мы спустились на первый этаж. Там было помещение с телевизором, похожее на гостиную. Или это была кухня? Стены были в потеках бутафорской крови. На самом большом пятне, очевидно, ногтями, кто-то нацарапал: «Выхода нет».

В полуметре от этой надписи на металлической каталке лежал бутафорский труп мальчика – так мне показалось. В ушах у меня зашумело. Рот у мальчика был открыт, а его пластиковые кишки свисали до самого пола и выглядели мягкими. Кожа куклы была покрыта жесткими и очень натуральными волосками.

Я вздрогнул, когда Нелл запрыгнула на тележку рядом с ним и стала лениво накручивать его кишки на руку, как лассо.

– Ты в самом сердце темного ужаса и бесконтрольного колдовства! – сказала Нелл, раскинув руки. За ней из тайника в стене с криком выскочила кукла медсестры-зомби. Но мой крик оказался громче.

– Да когда ты успокоишься? – захохотала Нелл. – Ох. С тобой, наверное, не все в порядке, да? Это же все-все-все обман. Ну ладно, на девяносто процентов обман, а остальные десять тебя не укусят. Мы бы ни за что не подвергли тебя опасности. – Тут она театрально понизила голос: – Ты же видел настоящих монстров.

Она спрыгнула с тележки и указала рукой на лестницу. Жаба (кот? летучая мышь? летучая кошь?) легко парил над ступеньками. Он сел ей на ладонь и дополз до плеча. Не сводя глаз с Нелл, я отступил к стене и стал ковырять дырочки, которые это существо проделало в моей рубашке.

Я вспомнил картины импрессионистов, которые видел с папой в музее. Если отойти подальше, они выглядели как обычные портреты или пейзажи, но стоило подойти ближе, и становилось понятно, что картина складывается из тысячи разных мазков. Нелл была чем-то на них похожа. Стоило приблизиться, и она превращалась в калейдоскоп цветов и движений. Ее темная кожа была светлее волос, которые она теперь собрала в два высоких пучка. Казалось, что она дотянулась до неба, сгребла звезды и осыпала ими свои волосы. Они сияли, когда Нелл двигалась, и переливались, как и оттенки ее разноцветного балахона.

В ней не было ничего жесткого или холодного. Ее невозможно было нарисовать так же, как моих родственников: плоской, бледной, болезненной и хмурой. Нелл была примерно моего роста и, думаю, моего возраста. Но на этом наше сходство заканчивалось.

– Это Жаба, – сказала Нелл. – Кажется, вам стоит познакомиться еще раз.

– Твоего котенка-мутанта зовут Жаба?!

Странное создание фыркнуло, устраиваясь поудобнее у Нелл на плече, свесило задние лапы, а передние сложило на груди – совсем как человек. Это было настолько невероятно, что я испугался. У меня точно галлюцинации!

– Как грубо, – сказала Нелл и достала из кармана кусочек моркови. Существо зажало его в лапках, взлетело и слопало морковку, сидя прямо на бутафорском трупе. – Жабе больше ста лет. И это не котенок, а оборотень. Он сам захотел так выглядеть. Я только заколдовала его, чтобы люди, и особенно дядя, видели обычного черного котенка. Так что не говори ему, понял? Жаба, если разозлится, превращается в бензопилу.

Я съехал вниз по стене, едва не задев медсестру-зомби, она как раз вылетела, держа в руках шприцы с бурлящим алым сиропом. Я закрыл лицо руками и стал считать от десяти до одного, чтобы меня не стошнило. Или еще чего похуже.

Но когда я открыл глаза, Нелл, летучий кот и зомби по-прежнему были здесь.

– Так. А если серьезно, где я, кого мы ждем, и почему скелет в углу танцует макарену?

– Макарена? – Нелл резко повернулась. – Я бы сказала, что это *Dance Macabre*, Пляска Смерти! *Услышь мой голос, ему подчинись...* Ой, да неважно, потом разберемся.

Она щелкнула пальцами, скелет опустил плечи, погромел костями, и улегся обратно в открытый гроб.

– Что происходит? – бормотал я. – Что вы сделали с моей жизнью?

Нелл в недоумении приподняла темную бровь.

– Да ты любишь драму даже больше, чем я, а это о чем-то говорит! Ты в Салеме, в Доме семи ужасов, туристическом доме с привидениями. И все будет в порядке.

Салем? Салем?! Редхуд в двух часах езды к югу от Салема, на полуострове Кейп-Код. Да это все равно, что оказаться в другой стране – я бы так же не знал, как вернуться оттуда домой.

Нелл поклонилась, глядя на меня сквозь свои странноватые очки. Я ничего не мог с собой поделать. Мои щеки покраснели от стыда и ярости. Внутри я весь кипел, а снаружи – потел, несмотря на холодный сухой ветерок, задувающий через входную дверь. Глупо конечно, но мне ужасно хотелось плакать.

– В порядке? – повторил я. – В порядке? Да ничего у меня не в порядке! Вся моя огромная семья хотела меня убить, родители застряли в Китае, а сестра...

По телу как будто пробежал электрический ток, когда я вспомнил о своих близких. О настоящей, нормальной семье, а не обо всяких там двоюродных сестрах, бабушках и незнакомцах, с которыми у меня просто было немножко общей ДНК. Где мама и папа, где Прю?

Нелл отвернулась всего на секунду, но я не мог упустить шанс. Я подскочил, отпихнул ее и как молния помчался к двери в коридор. Я услышал хлопок, и тут же кто-то схватил меня за шею и поволол обратно. Протащив по бутафорской высохшей крови, меня рывком вернули на прежнее место. Нелл фыркнула и осуждающе посмотрела на меня.

– Ага, – закатила она глаза. – Думаешь, у тебя получилось бы?

Я попытался сесть, но она щелкнула пальцами, и меня не слишком бережно распластало по полу. Я прижал раненую руку к груди, пытаюсь не замечать боли.

– Я должен был попытаться, – выдохнул я.

– Я думал, ты поизящнее, ну что поделаеть, весь в отца, – произнес другой голос. – Зато отлично умеешь кувыряться по-реддинговски.

Пара пыльных ботинок уверенно приблизилась и остановилась в паре дюймов от моего носа. Я поднял голову и увидел его носки, старомодные брюки, просторную рубашку и светлые волосы, собранные в хвост. Незнакомец, казавшийся сейчас еще более чужим, чем прежде.

– Пожалуйста, – сказал я, наконец-то освободившись от того, что меня держало. Я пошатнулся. – Отойдите от меня!

– Проспер...

– Я им займусь, – начала Нелл.

– Нет, – сказал незнакомец. – Хватит магии, ты и так его уже напугала.

Я снова попытался бежать, но получилось еще хуже, чем в предыдущий раз. Он схватил меня за шиворот и приподнял. Я пинался и брыкался, пытаюсь попасть ему по пальцам ног, как учил меня дома один из охранников, но он был будто каменный. Мои удары были для него все равно что прикосновение перышка. Я пытался тормозить пятками по ковру, чтобы он не смог утащить меня в глубь дома и там убить. Но незнакомец вздохнул и закинул меня на плечо. Опять.

– Что вы сделали с Прю? – закричал я, молотя кулаками по его спине, пока он поднимался по лестнице. – Эй! Эй! Отпустите меня!

Нелл плелась за нами и смотрела на меня с немым вопросом: «Тебе что, два года?»

Когда мы поднялись на чердак, мне казалось, что мои руки и ноги налились свинцом. Я ужасно устал и, словно этого было мало, мне снова казалось, что я горю. Огонь распространялся от живота по венам, пульсируя и клопоча. Ну и, чтобы довершить картину шепоткой унижения, Жаба бежал за нами, пританцовывая, пока меня сбрасывали на диван. Щелкнув хвостом, он закрыл за нами дверь.

– Ты в безопасности, – это было первое, что сказал незнакомец и сел рядом. – Мы с Корнелией приехали вовремя.

– Меня зовут Нелл, – прошипела девочка сквозь зубы. И правда: она действительно была гораздо больше похожа на Нелл, чем на Корнелию.

– Они... – начал я и тут же осекся. – Стоп... Что вообще случилось?

Вместо ответа незнакомец взял меня за левое запястье. Повязка набухла от крови.

– Железо, – сказал он, отпуская мою руку, – проклятый клинок. Есть вероятность, что полностью твоя рана никогда не заживет, но мы сделаем, что сможем.

– Кто вы? – спросил я, наконец, найдя нужный вопрос.

– Я твой дядя Барнабас, – улыбнулся мужчина. – Но не думаю, что ты когда-нибудь обо мне слышал.

О, я не только слышал, но и все двенадцать лет жизни пытался понять, как ему удалось исчезнуть с родового дерева. За все это время папа всего пару раз упоминал о своем брате, да и то вскользь. И никаких историй типа «Когда мы были маленькими, то ходили рыбачить на

речку за домом». И никаких: «А что твой дядя скажет об этом?» И никто никого не поздравлял с днем рождения.

В бабушкином присутствии никто не осмеливался даже мысленно произносить его имя. Мама утверждала, что папа очень любит своего брата, но мне что-то не верилось. Если кого-то любишь, разве будешь слушать того, кто запрещает общаться с ним?

– Ой!

– О, да, – помотал головой Барнабас. – Слухи о моей смерти сильно преувеличены.

– Никто и не говорил, что вы умерли, – заверил его я. – Говорили, что вы официант в каком-то казино в Вегасе, а еще пытались устроиться на подтанцовку в шоу «Битлз», или торгуете своими фото в костюме эльфа в самом сомнительном районе города.

Наша монстро-бабушка считала, что все это хуже смерти. Лицо дяди Барнабаса пошло красными пятнами.

– Как... изобретательно.

Наступила тишина. Я долго смотрел на него. У Барнабаса был тонкий длинный нос, нехарактерный для нашей семьи. Густые брови, высокие скулы, квадратная челюсть с колючей светлой щетиной. Мы с Прю совсем не были похожи на близнецов, но я удивился тому, насколько дядя Барнабас не было похож на папу. И дело не только во внешности, но и в том, как они себя держали. Мой папа Перси сантиметров на десять выше, у него темные волосы и карие глаза (у меня такие же). В нем чувствуется врожденная уверенность в себе, чего о дяде не скажешь – тот вел себя так, будто по нему ползала армия огненных муравьев.

Я только раз мельком видел его фотографию у дедушки в кабинете, но этот человек... вполне мог быть дядей Барнабасом. Вполне.

– Если он – это вы, – начал я, поворачиваясь к Нелл. – Ты-то кто?

Она открыла рот, но Барнабас ее опередил:

– Нелл – моя дочь. Мы с ней... недавно познакомились, после безвременной кончины ее матушки.

В этот момент я смотрел на Нелл. Самоуверенность исчезла с ее лица, всего на мгновение уступив место боли, но я успел заметить.

Конечно, она была расстроена. Она потеряла маму. Что может быть хуже? Я не видел маму всего три дня и уже соскучился. Я и представить себе не мог, что больше никогда ее не увижу.

Жаба вился у ее ног, словно пытаюсь утешить.

– Хорошо, – сказал я. – А я что здесь делаю?

Дядя Барнабас кивнул Нелл, и они как-то странно переглянулись. Потом она молча встала, подошла к кроватям и запрыгнула на одну из них, чтобы дотянуться до огромного семейного древа Реддингов.

– Думаю, лучше начать с самого начала, – сказал дядя Барнабас. – Скажи, Проспер, что ты знаешь о семейном проклятии?

Глава 9

Душегуб

– Я знаю, что оно... Она появилась на свет в 1945 году, ненавидит щенков и на досуге пыталась зарезать в подвале собственных внуков.

Дядя Барнабас смотрел на меня довольно долго, так что я успел подумать, что он унаследовал от бабушки ген *смейся-только-если-кому-то-больно*.

Но вдруг он широко улыбнулся. И засмеялся так, что диван затрясся. Нелл сидела рядом с ним, сложив руки на груди, и смотрела в стену.

– Хорошо, что ты так серьезно к этому относишься, – пробормотала она. – На что я только надеялась? Ты же Реддинг.

– Юмор у тебя отцовский, это точно, – сказал дядя Барнабас, похрюкивая.

«Да, но и только», – подумал я, и мне сразу стало немного жаль себя. Словно в ответ на мои мысли, в окно ворвался порыв ветра и зазвенел бутылками на полке, заставив их дрожать и дребезжать. Я обхватил себя за плечи и с трудом выговорил:

– Мама и папа... не знают, где я! Они вообще не знают, что случилось!

«*Хватай сестру! Убегайте прямо сейчас!*».

А я даже этого не смог. Я закрыл лицо руками, глаза зашипало. Как они будут сердиться! Если с Прю что-то случилось, я себе этого никогда не прощу.

Дядя Барнабас положил мне руку на плечо, пытаюсь утешить.

– Они знают, что ты с нами, и в безопасности, – сказал он.

– Я вас не знаю, вы меня тоже, – сказал я, отшатываясь от него и пытаюсь не упасть. – Я даже не уверен, что вы не врете!

– Ты просто не помнишь меня, Проспер, зато я тебя помню. Ты был совсем маленьким, а я приезжал в Редхуд, чтобы хоть издали на тебя посмотреть. В последний раз я видел тебя за несколько дней до Рождества. Тебе было пять лет. – Он говорил мягко, но плечо мое сжимал крепко. – Твоей сестре я принес книги, а тебе – набор для рисования, и оставил снаружи. Я был слишком взволнован, чтобы войти в дом, кроме того, ты тогда был в больнице, у сестры.

– Так это вы мне подарили? – спросил я. Я нашел этот набор несколько лет спустя, когда рылся в кладовке. На коробке все еще была широкая красно-зеленая лента и ярлычок с моим именем. Почему-то – и явно против бабушкиной воли – родители его не выбросили. Может быть, потому что это был подарок папиного брата.

Дядя Барнабас кивнул и тепло улыбнулся. Он повернулся к девочке:

– Кор... Нелл, будь добра, принеси письмо.

Секунду она в замешательстве смотрела на него. Жаба забрался в шкаф, в один из выдвинутых ящиков, и лениво пожевывал траву, которая там росла. Он громко мурлыкнул и несколько раз указал хвостом на стол. И только когда его крылышки затрепетали, а дядя Барнабас так и сидел, как ни в чем не бывало, я вспомнил, что Нелл сказала: обычные люди не видят сквозь... как это?.. чары?

Значит, летучий котенок – это ее секрет, догадался я. Мне стало интересно, правда ли дядя видит всего лишь обычного черного котенка.

Нелл издала какой-то тихий звук и кивнула, пробираясь к столу. Она копалась в свитках и книгах с измятыми страницами, и наконец достала какой-то конверт. Вынув из него письмо, она, не глядя, сунула его мне под нос.

В начале письма стояло мое имя. Из моей головы прямо в сердце как будто пробежал ток. Я узнал папин почерк. Обычно аккуратные и одинаковые буквы скакали по листку вкривь и вкось, как будто он писал второпях: «*Я надеялся, что до этого не дойдет, но твоя бабушка*

отказывается прислушиваться к здравому смыслу. Мы с мамой пытались сделать так, чтобы тебя или Прю, с кем бы из вас это ни случилось, увезли в безопасное место – туда, где она не сможет вас найти. Пожалуйста, слушайся дядю Барнабаса и веди себя хорошо. Каким бы невероятным ни казалось то, что он скажет, это правда. Он сделает все, что в его силах, чтобы помочь. Мы пока не можем приехать к тебе, как и ты к нам. Слишком опасно. Не звони и не пиши нам. Никому не говори, как тебя зовут. Будь терпеливым, ничего не бойся».

И подпись, его обычная короткая и деловая подпись. Никаких «Люблю, твой папа». Возможно, он хотел еще раз подтвердить, что это действительно он. Я провел пальцем по словам «Перси Реддинг», не понимая, отчего кровь стынет в жилах.

– Почему письмо? Не звонок? Не электронная почта?

– Это все из-за бабушки, – сказал дядя Барнабас. – Перси знал, что она следит за вами, и ее люди читают вашу переписку и прослушивают звонки. У меня нет ни телефона, ни интернета – для нашей общей безопасности. И это единственный выход.

Это казалось правдоподобным. Когда у тебя больше денег, чем у Билла Гейтса, и куча свободного времени, в чужую жизнь ты можешь вторгаться на совершенно ином уровне. Вот так бабушка и стала суперзлодеем, оставив далеко позади уровень злодея обыкновенного.

Нелл, кажется, хотела уйти, но вдруг остановилась и вмешалась в разговор:

– Может, хватит уже с ним нянчиться? Расскажи о древнем демоне, который в него вселился.

Я закатыл глаза:

– Да-да, а ты у нас ведьма. Хватит уже, давай ближе к реальности.

Но как только я это сказал, тут же вспомнил, как сильно меня побили невидимые кулаки. По коже и волосам Нелл побежали электрические разряды, глаза превратились в щелочки. Я отодвинулся подальше.

Похоже, она и правда ведьма. Ой.

– Проспер, – дядя громко откашлялся. – То, что я сейчас расскажу, может тебя... шокировать. Поверить в это непросто, но ты должен меня выслушать.

Выслушать? Это я могу. Занавески надулись от сквозняка, впустив в комнату несколько кроваво-красных листьев. Я снова почувствовал легкий запах корицы, осенней листвы и дыма. И заставил себя не думать о Редхуде.

– Твоя... То есть, наша, семья, – сказал Барнабас, поглядывая на фамильное дерево, – заключила сделку с дьяволом.

Ага, ясно, опять то же самое.

– Знаю, – сказал я, придерживая раненую руку. – Ее зовут Катерина Вестбрук-Реддинг.

Но дядя Барнабас больше не смеялся.

– Хотел бы и я пошутить, но подумай о том, откуда взялось богатство Реддингов. Все эти деньги, власть и влияние пришли к нам потому, что Онор Реддинг заключил сделку с демоном. С *дьяволом*, как говорили в 1693 году.

– Ладно, – сказал я, вспомнив галерею снимков, гравюр и газетных вырезок на чердаке. – С *дьяволом*.

– Таких демонов называют душегубами. Они заключают с человеком договор и дают ему то, что он просит. В обмен на душу. Ее демон забирает после того, как человек умрет. – Дядя Барнабас замолчал, и я не мог понять, то ли это для большего эффекта, то ли он ждал, пока мой мозг с этим справится. Я с трудом слышал его сквозь непрерывное *бум-бум-бум*. Стук сердца и скрип полок с засыхающими травами заглушали его слова. – Онор Реддинг променял души своих родственников и всех жителей Редхуда на неиссякаемое богатство.

Осенью дни становятся все короче. В наступившей тишине темнота обрушилась на нас в мгновение ока. Чердак стал больше похож на гроб, чем на комнату. И мы будто сидели и ждали того, кто опустит крышку.

Нелл шелкнула пальцами, зажглись три лампы. Это сбило меня с мысли. Я моргнул.

– Я же говорил, все это может шокировать. – Дядя Барнабас смотрел то на меня, то на свои костлявые руки. – Может, хочешь чего-нибудь успокаивающего? Чаю? Есть немного бренди...

– Мне двенадцать, – напомнил я.

– Да, точно, конечно...

Нелл сворачивала семейное древо. Я смотрел, как имена родственников исчезают ветка за веткой, пока не скрылось и мое.

– Это правда, – сказала Нелл. – Звучит безумно, потому что это и есть самое настоящее безумие. Что-то мне кажется, никто не удосужился рассказать тебе всю историю Редхуда. Например, про Белгрейвов. Знакомая фамилия?

Дядя Барнабас сжал губы так сильно, что они побелели.

– А, Белгрейвы!

– Я слышал о них, – сказал я. – В прошлом году нам преподавали историю Редхуда. Белгрейвы были известной семьей. Вместе с Реддингами приплыли из Англии и основали Редхуд в 1687 году.

Дядя Барнабас кивнул.

– Эти семьи соперничали. Онор Реддинг чего только не делал, чтобы уничтожить Дэниела Белгрейва: портил его урожай, распространял лживые слухи, крал переписку. А Белгрейвы все равно процветали. И как тебе известно, город тогда назывался вовсе не Редхудом.

– Ага, – сказал я, пытаюсь всем своим видом показать, что я прекрасно об этом знал. Что все это мне приходилось слушать буквально каждый день, всю мою жизнь, с самого рождения. – Он назывался Южный Порт.

– Да, и как только Белгрейвов вышвырнули, Онор, чье имя значит «честь», сразу переименовал город... м-м, в свою честь.

– Значит, он выгнал их из города, заключив сделку с дьяволом? – спросил я, даже не пытаюсь скрыть, что считаю это полной ерундой.

– С *дьяволом*, – поправила Нелл.

– Да, конечно, с *дьяволом*, – сказал я, пытаюсь не обращать внимания на отчетливый привкус пепла на языке, появившийся, когда я произнес это слово. – А при чем тут мы с Прю?

– Сейчас расскажу, – ответил Барнабас, поднимаясь. Он прошел в уголок, который напоминал кухню, и порывлся в коробках с чаем. Мне пришлось ждать, пока он поставит чашку с водой кружиться в микроволновке. Только тогда он продолжил рассказ: – Чтобы обойти Белгрейвов, Онор обратился к очень древней магии, о которой он узнал из старинных семейных преданий. Он призвал *душегуба*.

Дядя Барнабас подошел к нам, в руке он держал картинку, которую снял со стены.

Я взял ее, и еще до того, как посмотрел на нее, почувствовал, что меня мутит от страха. Трое мужчин и женщина стоят вокруг костра, подняв руки, а над ними в клубах дыма проплывает крылатый демон с раздвоенным языком.

– В то время колонисты называли колдовством и чертовщиной все, что их пугало. Они не понимали, что дьявол, о котором говорят священники, не имеет с этим ничего общего. Магия существует гораздо дольше, чем мы можем себе представить. Границы миров – нашего и иных – для нее ничего не значат.

– Это как... интернет?

Дядя Барнабас поперхнулся чаем и закашлялся.

– Скорее, как параллельный мир или другое измерение. Души, которые туда уходят, никогда не возвращаются, а демонам о своем мире говорить запрещено. Так что наверняка мы ничего не знаем: рассказать некому.

Заговорила Нелл:

– Существует четыре мира или четыре королевства. Наверху, – она указала вверх, – четвертое королевство, мир людей. – Потом взмахнула рукой пониже: – Третье королевство – это мир демонов. – Она опустила руку еще ниже: – Второе королевство – мир призраков или теней. И первый, самый нижний, мир – королевство *древних*. Эта загадочная раса создала магию, когда не было еще ничего, кроме тьмы, и установила равновесие между мирами.

– Нижний мир? В смысле, они живут в мантии Земли?

– Нет! – Нелл закатила глаза. – Измерения, Проспер! Другие миры лежат слоями под нашим миром.

Дядя Барнабас взмахнул рукой между нами, прекращая спор.

– Никто не знает, что представляют собой *древние*. В давние времена им поклонялись, как богам. Но они больше не покидают свое измерение. Все, что мы знаем, – они первыми появились в этом мире, и чтобы защитить его от демонов-разрушителей, создали для них отдельный мир. Люди и демоны не могут существовать вместе, это нарушает баланс между измерениями и разрушает миры.

– М-м, понятно, – сказал я, хотя в голове у меня была каша. – Это все очень круто, но давайте вернемся к душегубам. Как эти существа могут жить в нашем мире, если они демоны или кто там?..

– Когда умирает злой человек, – ответил дядя Барнабас, – его душа-тень отправляется в королевство призраков. Но, если человек при жизни заключил сделку с *дьяволом*, его тень отправляется в королевство демонов и будет прислуживать им, оставаясь в вечном рабстве.

– Существуют сотни разных демонов, – сказала Нелл, – но заключать такие сделки могут только демоны-душегубы.

– Зачем вообще нужны эти сделки? – спросил я. Мне очень не нравилось то, что я слышал. В это же невозможно поверить... Впрочем, как и в то, что случилось в подвале.

– Я слышал о разных сделках с разными условиями. В том договоре, который подписали Онор Реддинг и Аластор, было прописано вечное рабство всей семьи в обмен неиссякаемое богатство и постоянный успех Реддингов, – сказал дядя Барнабас. – Можно сказать, что они наказывают людей, исполняя их собственные желания.

Нелл добавила:

– Это как фея-крестная с подвохом, или джинн с ценником. Их работа – собирать души, которые будут служить демонам в их мире. Душегубы могут заколдовать человека, вложить ему в голову любую идею, наслать болезни, и все такое. Заключив сделку, они не возвращаются в свой мир, а кормятся бедами тех, кто становится жертвой человека, подписавшего контракт.

Ну, конечно, Онор. Идеальный образ непогрешимого, храброго, умнейшего, несгибаемого человека, которым нам всю жизнь тыкали в лицо. Он был идеалом, который следовало превзойти, или хотя бы достичь его уровня. Он был для нашей семьи всем – тем благодаря кому она вообще выжила. Я должен был догадаться. Никто не может быть настолько идеальным.

Он отчаялся и не хотел потерпеть неудачу. Хоть что-то в нем нашлось такое, благодаря чему он становился похож на реального человека, и переставал быть только лицом с выцветшего портрета в холле.

И тут я вдруг понял, куда свернет история.

– А что... Что случилось с Белгрейвами?

– Часть погибла во время эпидемии, которая случилась первой же зимой, – жестко ответил дядя Барнабас. – Остальные умерли от голода, после того как урожай за одну ночь превратился в пепел.

– Господи! – Моя семья никогда не была эталоном доброты, но это уже слишком. – Однако я все равно не понимаю, почему я здесь, и что вчера случилось.

– Я же сказала... – начала Нелл, но дядя Барнабас жестом остановил ее.

– Мы почти добрались до этого. – Он сделал глоток чаю. – Ты, конечно, знаешь, что случилось в Салеме?

– Конечно! Это же колыбель Национальной Гвардии!

Дядя Барнабас склонил голову и посмотрел на меня с презрением. Господи, как с ними тяжело!

– Но это правда, – сказал я, скрестив руки на груди. – Ну ладно, ладно. Я знаю про охоту на ведьм. И еще я знаю, что такое бывало и в Дэнверсе, Ипсвиче и Андовере, а не только в Салеме, – добавил я, когда Нелл уже собиралась меня поправить.

– Долгие годы, – продолжил недовольным тоном дядя Барнабас. – Реддинги процветали благодаря сделке с душегубом, и никаких проблем не было. Но люди начали что-то подозревать, слухи крепли. А когда девочки в Салеме начали всех подряд обвинять в сговоре с дьяволом, сам можешь представить, как забеспокоились те, кто и вправду был связан с колдовством. Охота на ведьм разгоралась, процессы начались по всему Массачусетсу. Все было очень плохо.

Я уставился на его чашку с надписью «Колдовской отвар» и улыбающейся ведьмой. Вероятно, в 1690-е годы она бы не улыбалась, а висела на дереве с веревкой на шее.

– У Реддингов никогда не пропадал урожай, их не страшили болезни, и даже с индейцами они не враждовали. И они сильнее, чем остальные, чувствовали, как вокруг них черными тучами сгущается подозрение. – Дядя Барнабас покачал головой. – И они сделали то, что, по их мнению, должно было спасти их от ареста, обвинений и смерти. Они нарушили контракт.

Но оказалось, что разорвать контракт с душегубом не так просто. Это вам не порвать бумажку или щелкнуть пальцами. *Диавола* невозможно подкупить. Приходится обращаться к услугам настоящей ведьмы.

– В те времена нанимать ведьму было невероятно опасно, – продолжил дядя, развалившись на диване. Кажется, он не был особо впечатлен хитростью Онора Реддинга. – Но им повезло: они нашли Гудвайф Пруфрок. Она сотворила для них заклинание и заперла демона в человеческом теле.

– Зачем? – спросил я.

– Единственный способ разорвать контракт с демоном – это убить его. Душегубы существуют в нашем мире только как тени, они неуязвимы. Но душегуб, запертый в человеческом теле, становится смертным.

– Ага, значит, они взяли Алехандро...

– Аластора, – поправила Нелл.

Ну, извините, я не запомнил пафосное имя вашего воображаемого *дьявола*.

– В общем, бедный Ал попал в ловушку: его заперли в чьем-то теле. В чьем?

Если честно, я мало что понял в этой истории. Но тут у меня появилось предчувствие, что если нужно убить демона, – гипотетически, конечно, ведь их же не существует, да? – вероятно, придется убить и того человека, внутри которого он заперт.

Дядя Барнабас пожал плечами.

– Пруфрок нашла какую-то служанку, до которой никому не было дела.

О, нет!

– М-м, вы серьезно? – спросил я, приступив к уничтожению любых, даже мимолетных, хороших воспоминаний об Оноре Реддинге. И еще одна жуткая мыслишка проскользнула в мой мозг и вгрызлась прямо в него. – Но эта служанка... она же... выжила, да?

Дядя Барнабас покачал головой.

– Как она умерла? – прошептал я.

– А как в то время убивали ведьм? – мрачно спросила Нелл.

О, нет!

– Ну, вешали... топили... забрасывали камнями?..

«Только не говорите, что ее сожгли! Только не говорите, что ее сожгли...»

– Ее привязали к столбу и сожгли, – сказал дядя Барнабас.

Я закрыл лицо руками и застонал:

– О, не-е-ет!

Есть еще одна вещь, которой вы, наверное, не знаете о Дне Основателей и костре. Вообще-то в этот день празднуется не основание Редхуда, а изменение судьбы, которая отвернулась от одной семьи и повернулась к другой, после чего город сменил название. Легенда, которую помнят не очень хорошо и постоянно дополняют какими-то фантазиями насчет перерождения, гласит: Онор сжег на костре некий объект, который считался проклятым. И когда он сгорел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.